

СЕРГЕЙ НЕФЕДОВ
ИСТОРИЯ РОССИИ

Том 1

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО ВЕЛИКОЙ СМУТЫ

ТЕРРИТОРИЯ БУДУЩЕГО

Сергей Нефедов

**История России. Факторный
анализ. Том 1. С древнейших
времен до Великой Смуты**

«Территория будущего»

2010

Нефедов С. А.

История России. Факторный анализ. Том 1. С древнейших времен до Великой Смуты / С. А. Нефедов — «Территория будущего», 2010

Монография посвящена анализу исторического процесса на территории Восточно-Европейской равнины в свете современных историко-социологических теорий. Конечная цель исследования – дать ответ на вопрос: можем ли мы на сегодняшнем уровне знаний объяснить российскую историю? Книга адресована специалистам-историкам, аспирантам и студентам вузов, а также всем любителям истории.

© Нефедов С. А., 2010

© Территория будущего, 2010

Содержание

Предисловие	5
Глава I	7
1.1. Роль демографического фактора. Демографически- структурная теория	8
1.2. Роль технологического фактора. Теория военной революции	14
1.3. Роль фактора внешних влияний. Диффузионизм	18
1.4. Теория модернизации	21
1.5. Трехфакторная модель исторического процесса	25
1.6. Форсирование земледельческого общества	27
1.7. Земледельцы и скотоводы на юге России	31
1.8. Форсирование кочевого общества	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сергей Нефедов

История России

Факторный анализ

Том I

С древнейших времен до Великой Смуты

Предисловие

Создание объяснительных моделей исторического процесса было целью для многих поколений историков. Начиная с Геродота и Фукидида исследователи пытались обобщить исторический материал и вывести общие закономерности описываемых событий. В начале XIX века основатель позитивизма Огюст Конт обещал доказать, что «существуют законы развития общества, столь же определенные, как и законы падения камня».¹ Но так ничего и не доказал. После этой неудачи настало время пессимистических настроений. В конце XIX столетия великий историк Эдуард Мейер признавал, что в течение многолетних исследований ему не удалось открыть ни одного исторического закона – и он не слышал, чтобы это удалось другим. Теодор Моммзен считал, что историк является скорее художником, чем ученым, что история – разновидность искусства; этого же мнения придерживались Токвиль, Тревельян и Лев Гумилев. «История – еще не наука, – говорил Бертран Рассел, – ее можно заставить казаться наукой лишь с помощью фальсификаций и умолчаний».² «История имеет глубокий смысл, – писал Карл Ясперс, – но он недоступен человеческому пониманию».³

Однако к началу XXI века положение изменилось. «...В мировой науке, прежде всего американской и западноевропейской, за последние десятилетия накоплен солидный и почти еще не востребованный в нашем социально-философском и историческом познании багаж научных результатов, – отмечает известный исследователь Н. С. Розов, – а главное, – резко вырос интеллектуальный потенциал подходов, методов, концепций, понятий, касающихся теоретического описания социальных систем и их исторического развития».⁴

Одним из ярких успехов современной исторической социологии стало объяснение социальной роли технических открытий в работах Уильяма Мак-Нила. В фундаментальном труде «В погоне за мощью»⁵ У. Мак-Нил показал, каким образом технология обеспечивает выживание общества в условиях постоянных войн и формирует образ могущественной державы, которая становится образцом для подражающих ей соседних государств. Другим крупным достижением американской социологической школы стала демографически-структурная теория Джека Голдстоуна,⁶ предлагающая новую объяснительную модель исторической динамики для эпохи позднего Средневековья и Нового времени. Эта теория представляет собой образец сложного теоретического синтеза с широким использованием материала не только Западной Европы, но и стран Востока – Китая, Японии и Османской империи. Позднее в работах Ч. Даннинга⁷ была

---

¹ Вайнштейн О. Л. Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX–XX веках. Л., 1979. С. 8.

² Huxley A. Brave new world, and Brave new world revisited. London, 1960. P. 145.

³ Уколова В. И. Арнольд Тойнби и постижение истории / Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1996. С. 12.

⁴ Розов Н. С. Философия и теория истории. Кн. 1. М., 2002. С. 35.

⁵ McNeill W. The Pursuit of Power: Technology, Armed Force, and Society since A. D. 1000. Oxford, 1983.

⁶ Goldstone J. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley, 1991.

⁷ Dunning Ch. Does Jack Goldstone's Model of Early Modern State Crises Apply to Russia? / Comparative Studies in Society

обоснована идея о возможности применения этой теории для описания процессов российской истории, что было реализовано в монографии П. Турчина и С. А. Нефедова,⁸ в которой демографически-структурная теория апробируется на материалах России и некоторых западноевропейских стран.

Идеи У. Мак-Нила и Дж. Голдстоуна были использованы автором в монографии «Факторный анализ исторического процесса»,⁹ в которой была предложена модель, описывающая влияние на социальное развитие трех факторов: географического, технологического и демографического. Предлагаемая вниманию читателя новая работа посвящена анализу исторического процесса в ранние периоды истории России – с древнейших времен до начала XVII века. Мы постараемся шаг за шагом проследить основные моменты истории Киевской Руси, Золотой Орды и Московского царства с тем, чтобы найти объяснение происходивших событий в рамках современных социологических теорий.

Сложность рассматриваемой проблемы не раз побуждала автора обращаться по конкретным вопросам к поддержке специалистов.

В этой связи автор считает своим долгом выразить искреннюю благодарность Дж. Голдстоуну (Университет Дж. Мэйсона, Вашингтон), Ю. П. Бокареву (Институт экономики РАН, Москва); Ч. Даннингу (А and M Университет штата Техас), Г. Дерлугьяну (Северо-Восточный университет, Чикаго), З. В. Дмитриевой (Санкт-Петербургский институт истории РАН), Л. Е. Гринину (Волгоградский центр социальных исследований), Дж. Комлосу (Мюнхенский ун-т), А. В. Коротаеву (Институт Африки РАН, Москва), Л. Н. Коряковой (Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург), Н. Н. Крадину (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток), Э. С. Кульпину (Институт востоковедения РАН, Москва), П. Турчину (Университет штата Коннектикут). Мы благодарны также руководителю Центра экономической истории при историческом факультете МГУ Л. И. Бородину и всем специалистам, принявшим участие в обсуждении отдельных глав этой работы на семинарах Центра.

---

and History. 1997. Vol. 39. N. 3. P. 572–592.

⁸ Turchin P., Nefedov S. Secular Cycles. Princeton and Oxford, 2009.

⁹ Нефедов С. А. Факторный анализ исторического процесса. История Востока. М., 2008.

Глава I

Факторы исторического процесса

Еще Аристотель сказал, что наука есть познание причин. Главные причины, обуславливающие исторические события, называют движущими силами истории или факторами исторического процесса. Хотя различные исследователи упоминают значительное число факторов, реальный механизм действия прослежен лишь для немногих движущих сил истории. К их числу принадлежат демографический и технологический факторы (последний из них определяет также развитие экономики), а также географический фактор и фактор внешних влияний, включающий в себя войны.¹⁰

Относительно недавние успехи исторической социологии и, в частности, создание демографически-структурной теории Джека Голдстоуна и исследования Уильяма Мак-Нила позволяют достаточно детально указать на те конкретные следствия, которые должно вызвать действие перечисленных факторов. Таким образом, возникает возможность проследить, как именно проявлялось их действие в российской истории и объяснить многие исторические процессы и события. Наша конечная цель – выяснить, достаточно ли этих факторов для объяснения основных моментов развития России, и ответить на вопрос: *можем ли мы на сегодняшнем уровне знаний объяснить российскую историю?*

Чтобы набросать план ответа на этот вопрос, необходимо дать краткий обзор новых теорий, о которых говорилось выше.¹¹

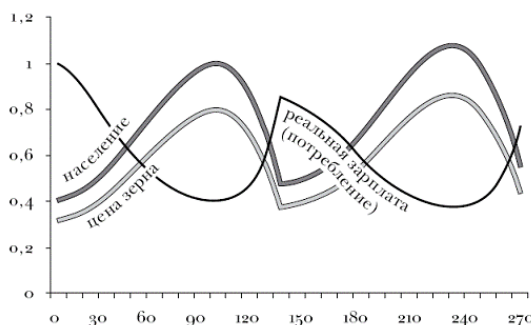
---

¹⁰ См., например: Алексеев П. В. Социальная философия. М., 2005. С. 16–21.

¹¹ Подробнее см.: Нефедов С. А. Факторный анализ исторического процесса. История Востока. М., 2008. С. 10–60.

1.1. Роль демографического фактора. Демографически-структурная теория

Изучению роли демографического фактора в историческом процессе посвящена обширная литература, поэтому мы ограничимся здесь лишь краткими тезисами.¹² Начало исследования проблемы влияния роста населения на жизнь общества связано с именем основателя демографической науки Томаса Роберта Мальтуса. Как известно, главный постулат Мальтуса заключался в том, что «количество населения неизбежно ограничено *средствами существования*».¹³ Поэтому рост населения приводит к нехватке продуктов питания, что отражается в развитых обществах в росте цен и ренты, в падении реальной заработной платы и в уменьшении потребления низших классов. Уменьшение потребления, в свою очередь, влечет замедление роста, а затем его приостановку и сокращение населения до уровня, определяемого средствами существования (или ниже его). Пищи теперь становится достаточно, заработная плата возрастает, потребление увеличивается – но затем процесс повторяется: «возобновляются прежние колебания, то в сторону возрастания, то в сторону уменьшения населения».¹⁴ Идеи Мальтуса были восприняты крупнейшими экономистами «классической школы» (Д. Рикардо, Ж. Б. Сэй, Дж. Милль и др.). Давид Рикардо включил эти положения в разработанную им теорию заработной платы, вследствие чего вся теория получила название мальтузианско-рикардианской.¹⁵ Важно отметить, что и Мальтус, и Рикардо изначально говорили о повторяющихся колебаниях численности населения, то есть о *демографических циклах*. При этом колебания численности населения должны были сопровождаться колебаниями цен, земельной ренты, прибыли и реальной заработной платы, что приводило к представлениям о колебательном характере экономического процесса в целом.

Рис. 1.1. Демографические циклы по теории Мальтуса – Рикардо: рост населения вызывает рост цен и рент и падение реальной заработной платы и потребления. Когда потребление становится ниже прожиточного минимума, начинается кризис, и численность населения снижается, цены падают, потребление возрастает. Затем цикл повторяется.

В 1934 году немецкий историк и экономист Вильгельм Абель установил, что в Европе имелся период роста цен в XIII – начале XIV века, сменившийся затем падением цен в XV веке и новым ростом в XVI – начале XVII века. При этом повышение цен сопровождалось паде-

¹² Подробнее см.: Нефедов С. А. Концепция демографических циклов. Екатеринбург, 2007. С. 6 – 22.

¹³ Мальтус Т. Р. Опыт закона о народонаселении. СПб, 1895. С. 33. Выделено Мальтусом.

¹⁴ Там же. С. 28, 27–32.

¹⁵ Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения / Рикардо Д. Сочинения. Т. I. М., 1955.

нием заработной платы и относительным ростом населения; периоды падения цен и роста заработной платы, наоборот, соответствовали периодам уменьшения численности населения.¹⁶ В. Абель пришел к выводу, что эти процессы соответствуют положениям теории Рикардо; таким образом, было доказано существование демографических циклов в истории Европы.

Работы В. Абеля нашли широкий отклик в среде историков разных стран. Тема мальтузианской цикличности демографических и экономических процессов в Европе нашла подробное отражение в трудах М. Постана, Б. Сливхера ван Бата, Р. Мунье, К. Чиппола, Д. Гласса и Д. Эверслея и других авторов.¹⁷ Большую роль в разработке этой теории играла французская школа «Анналов», в частности, работы Ж. Мевре, П. Губера, Ж. Дюби, Э. Лабрусса, Ф. Броделя, Э. Ле Руа Ладюри, П. Шоню.¹⁸ В 1967 году вышел в свет первый том фундаментального труда Ф. Броделя «Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV–XVIII веках».¹⁹

«Демографические приливы и отливы есть символ жизни минувших времен, – писал Фернан Бродель, – это следующие друг за другом спады и подъемы, причем первые сводят почти на нет – но не до конца! – вторые. *В сравнении с этими фундаментальными реальностями все (или почти все) может показаться второстепенным...* Растущее население обнаруживает, что его отношения с пространством, которое оно занимает, с теми богатствами, которыми оно располагает, изменились... Возрастающая демографическая перегрузка нередко заканчивается – а в прошлом неизменно заканчивалась тем, что возможности общества прокормить людей оказывались недостаточными. Эта истина, бывшая банальной вплоть до XVIII века, и сегодня еще действительна для некоторых отсталых стран... Демографические подъемы влекут за собой снижение уровня жизни, они увеличивают... число недоедающих нищих и бродяг. Эпидемии и голод – последний предшествует первым и сопутствует им – восстанавливают равновесие между количеством ртов и недостающим питанием...

Если необходимы какие-либо конкретные данные, касающиеся Запада, то я бы отметил длительный рост населения с 1100 по 1350 год, еще один с 1450 по 1650, и еще один, за которым уже не суждено было последовать спаду – с 1750 года. Таким образом, мы имеем три больших периода демографического роста, сравнимые друг с другом... Притом эти длительные флуктуации обнаруживаются и за пределами Европы, и примерно в то же время Китай и Индия переживали регресс в том же ритме, что и Запад, как если бы вся человеческая история подчинялась велению некоей первичной космической судьбы, по сравнению с которой вся остальная история была истиной второстепенной».²⁰

В 70 – 80-е годы XX века учение о демографических циклах получило общее название «неомальтузианства», однако необходимо отметить, что приверженцы этой теории в разных странах так и не выработали общей терминологии: они называли циклы «демографическими»,

¹⁶ Abel W. Bevölkerungsgang und Landwirtschaft im ausgehenden Mittelalter im Lichte der Preis- und Lohnbewegung / Schmollers Jahrbücher. 1934. № 58; Idem. Agrarkrisen und Agrarkonjunktur / Mitteleuropa vom 13. bis zum 19. Jahrhundert. Berlin, 1935.

¹⁷ Postan M. M. The Medieval Economy and Society: an Economic History of Britain, 1100–1500. Berkley, Los Angeles, 1972; Idem. Essays on Medieval Agriculture and General Problems of Medieval Economy. Cambridge, 1973; Mousnier R. Les XVIe et XVIIe siècles. Les progrès de la civilisation européenne et la déclin de l'Orient (1492–1715). Paris, 1953; Slicher van Bath B. The Agrarian History of Western Europe F. D. 500 – 1850. L.: 1963; Glass D. V., Eversley D. E. Population in History. London, 1965; Cippolla C. M. Before the Industrial Revolution. European Society and Economy, 1000–1700. London, 1976 (итальянское издание вышло в 1969 г.)

¹⁸ Goubert P. Beauvais et le Beauvaisis de 1600 à 1730. Contribution a l'histoire sociale de la France au XVIIe siècle. 2 vols., Paris, 1960; Le Roy Ladurie E. Les paysans de Languedoc. P., 1966. T. 1–2; Meuvret J. Les Crises de subsistances et la demographie d'Ancien Regime / Population. 1946. № 4. P. 643–650; Duby G. L'Economie rurale et la vie des campagnes de l'Occident medieval. 2 vol. Paris, 1962; Meuvret J. Etudes d'histoire économique. Paris, 1971; Chaunu P. La civilisation de l'Europe classique. Paris, 1984. Русский перевод: Шоню П. Цивилизация классической Европы. Екатеринбург, 2005.

¹⁹ Braudel F. Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe – XVIIIe siècle. T. 1. Paris, 1967. Русский перевод: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV–XVIII веках. Т. 1. М., 1986.

²⁰ Бродель Ф. Указ. соч. С. 42–44.

«логистическими», «общими», «аграрными», «вековыми», «экологическими», подразумевая под ними одни и те же циклы, описанные Мальтусом и Рикардо. Мальтусовский термин «средства существования» в современной терминологии стал трактоваться как вмещающая емкость экологической ниши («*carrying capacity*»). Это понятие включает территорию и объем ресурсов, находящихся в распоряжении данного общества. Емкость экологической ниши, очевидно, зависит от технологии (в частности, от сельскохозяйственной технологии); технические открытия могут приводить к расширению экологической ниши, поэтому демографическая динамика определяется не только внутренними циклическими закономерностями, но и влиянием *технологического фактора*. Это влияние особенно сказывается в современных развивающихся странах, где черты прошлого переплетаются с процессами модернизации. Проблема аграрного перенаселения в развивающихся странах была одной из важных практических тем, рассматривавшихся теоретиками неомальтузианства. В частности, в капитальном исследовании Д. Григга были проанализированы процессы перенаселения в западноевропейских странах в XIV и XVII веках, исследовано их влияние на различные аспекты социально-экономического развития и проведено сопоставление с социально-экономическими процессами в странах третьего мира.²¹

В 1976 году известный историк и экономист Рондо Камерон в своем обзоре достижений экономической истории писал о циклах европейской истории как о теории, получившей общее признание.²² Эта теория, в частности, стала составной частью концепции мир-систем Иммануила Валлерстайна.²³

Новый этап в развитии концепции демографических циклов был связан с появлением демографически-структурной теории Джека Голдстоуна.²⁴ В то время как мальтузианская теория рассматривала динамику населения в целом, демографически-структурная теория рассматривает структуру – «народ», «государство» и «элита», – анализируя взаимодействие ее элементов в условиях роста населения. При этом динамика «народа» описывается так же, как динамика населения в неомальтузианской теории. Новым теоретическим элементом является анализ влияния демографического роста на элиту и государство. Демографический рост *элиты* в условиях ограниченности ресурсов влечет за собой дробление поместий и капиталов, то есть оскудение части элиты. Элита начинает проявлять недовольство и усиливает давление на народ и на государство с целью перераспределения ресурсов в свою пользу. Кроме того, в рядах элиты усиливается дифференциация и фрагментация, отдельные недовольные группировки элиты в борьбе с государством обращаются за помощью к народу и пытаются инициировать народные восстания.²⁵

Для *государства* рост населения и цен оборачивается падением реальных доходов. Властям становится все труднее собирать налоги с беднеющего населения, это приводит к финансовому кризису государства, который развивается на фоне голода, народных восстаний и заговоров элиты. Все эти обстоятельства, в конечном счете, приводят к революциям и краху («брейкдауну») государства.²⁶

Нужно отметить, что Дж. Голдстоун первоначально считал, что вековые циклы имеют экзогенный характер, и как рост, так и уменьшение численности населения объясняются благоприятными или неблагоприятными эпидемиологическими и климатическими изменениями.²⁷ Поэтому, в частности, Дж. Голдстоун формально не называл себя мальтузианцем, полагая,

²¹ Grigg D. Population Growth and Agrarian Change. Cambridge, 1980.

²² Cameron R. Economic History, Pure and Applied / Journal of Economic History. 1976. Vol. 36. № 1. P. 32.

²³ Wallerstein I. The Modern World-System. 2 vols. New York, 1974, 1989.

²⁴ Goldstone J. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley, 1991.

²⁵ Ibid. P. 6–7.

²⁶ Ibid. P. 24–25, 459.

²⁷ Ibid. P. 30.

что созданная им теория имеет новое качество.²⁸ Однако, в работах автора и американского историка и эколога Питера Турчина было показано, что если отказаться от этого (опровергаемого историческими материалами) положения, то демографически-структурная теория оказывается вполне совместимой с неомальтузианством и, более того, фактически представляет собой весьма перспективное в теоретическом плане расширение неомальтузианской теории.²⁹

Демографически-структурная теория уделяет особое внимание так называемым *трансформациям структуры* «государство – элита – народ». Трансформация структуры – это качественное изменение элементов, ее составляющих, а также изменение принципов их взаимодействия (например, установление крепостного права). Трансформации структуры приводят к особо масштабному перераспределению ресурсов, которое иногда порождает социальные кризисы – мы будем называть их структурно-демографическими или просто структурными.³⁰ В некоторых случаях трансформации структуры и структурные кризисы могут быть объяснены в рамках демографически-структурной теории – но не всегда. Поэтому в этом пункте (так же, как в вопросе о расширении экологической ниши) возникает необходимость рассмотрения роли других, недемографических факторов в механизме демографического цикла. Это те «точки входа», через которые демографически-структурная теория сопрягается с теориями, описывающими влияние других, рассматриваемых ниже факторов.

Мальтузианское описание демографического цикла подразумевает естественное деление демографического цикла на фазы, характеризующиеся различной динамикой населения, цен и реальной заработной платы. Опираясь на исследования Э. Ле Руа Ладюри, Д. Григга и Дж. Голдстоуна³¹ можно привести следующее описание фаз демографического цикла.³²

Для *фазы роста* (или *фазы восстановления* после предшествующего кризиса) характерны такие явления: наличие свободных земель, удобных для возделывания; быстрый рост населения; рост посевных площадей; в начале периода – низкие цены на хлеб; тенденция к постепенному росту цен; высокая реальная заработная плата и относительно высокий уровень потребления, но при этом – тенденция к постепенному понижению реальной заработной платы и уровня потребления; низкий уровень земельной ренты; тенденция к постепенному повышению уровня ренты; относительно низкий уровень государственной ренты (налогов); строительство новых (или восстановление разрушенных ранее) поселений; относительно ограниченное развитие городов; относительно ограниченное развитие ремесел; незначительное развитие аренды, незначительное развитие ростовщичества.

Для *фазы Сжатия* характерны: отсутствие доступных крестьянам свободных земель; крестьянское малоземелье; высокие цены на хлеб; низкий уровень реальной заработной платы и потребления основной массы населения; демографический рост, ограниченный ростом урожайности; высокий уровень земельной ренты; частые голодные годы; частые эпидемии; разорение крестьян-собственников; рост задолженности крестьян и распространение ростовщичества; распространение аренды; высокие цены на землю; рост крупного землевладения; уход части разоренных крестьян в города; сезонный отход крестьян на заработки, попытки малоземельных и безземельных крестьян заработать на жизнь работой по найму, ремеслом или мелкой торговлей; быстрый рост городов; развитие ремесел и торговли; рост числа безработных и нищих; активизация народных движений под лозунгами уменьшения земельной ренты, налогов, передела собственности и социальной справедливости; попытки проведения социальных

²⁸ Ibid. P. 32–33.

²⁹ Нефедов С. А. Концепция демографических циклов...; Turchin P. Historical Dynamics. Why States Rise and Fall. Princeton and Oxford, 2003.

³⁰ Нефедов С. А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург, 2005. С. 38.

³¹ Le Roy Ladurie E. Les paysans de Languedoc. P., 1966. P. 346–370; Grigg D. Op. cit. P. 20–28, 39, 76–78.

³² Подробнее см. Нефедов С. А. Концепция демографических циклов... С. 99 – 102.

реформ, направленных на облегчение положения народа; попытки увеличения продуктивности земель; переселенческое движение на окраины и развитие эмиграции; ввоз продовольствия из других стран (или районов); попытки расширить территорию путем завоеваний; непропорциональный (относительно численности населения) рост численности элиты; фрагментация элиты; борьба за статусные позиции в среде элиты; ослабление официальной идеологии и распространение диссидентских течений, обострение борьбы за ресурсы между элитой и государством; попытки оппозиционному государству фракций элиты поднять народ на восстание или их присоединение к народным восстаниям; финансовый кризис государства, связанный с ростом цен и неплатежеспособностью населения.

Экономическая ситуация в этот период неустойчива, у многих крестьян отсутствуют необходимые запасы зерна, и любой крупный неурожай или война могут привести к голоду и экосоциальному кризису. «Экономика предельно напряженная», – писал П. Шоню.³³

Для фазы экосоциального кризиса характерны: голод, принимающий широкие масштабы; широкомасштабные эпидемии; в конечном итоге – гибель больших масс населения, принимающая характер демографической катастрофы; государственное банкротство; потеря административной управляемости; широкомасштабные восстания и гражданские войны; брейкдаун – разрушение государства; внешние войны; разрушение или запустение многих городов; упадок ремесла; упадок торговли; очень высокие цены на хлеб; низкие цены на землю; гибель значительного числа крупных собственников и перераспределение собственности; социальные реформы, в некоторых случаях принимающие масштабы революции, порождающей этатистскую монархию – автократию, практикующую государственное регулирование и не допускающую развития крупной частной собственности.

Идея о том, что перенаселение порождает революцию и диктатуру, была одним из основных выводов Т. Мальтуса. «Мятежная толпа есть следствие излишка населения, – писал Мальтус. – Она возбуждается испытываемыми страданиями, не зная того, что сама является виновницей этих страданий. Эта безумная мятежная толпа есть злейший враг свободы; она порождает и поддерживает тиранию».³⁴

Перечисленные выше явления характерны для соответствующей фазы демографического цикла в том смысле, что из теории вытекает, что они с высокой степенью вероятности должны наблюдаться в этой фазе. Поэтому при анализе истории конкретной страны необходимо проверить, наблюдаются ли в соответствующий период указанные явления. Если они наблюдаются, то появляется возможность объяснить их, исходя из демографически-структурной теории.

Первым исследователем, указавшим на перспективность использования демографически-структурной теории для объяснения российской истории был известный американский русист Честер Даннинг. Изучая причины российского кризиса начала XVII века, Ч. Даннинг указал на явления, совпадающие с характерными признаками государственного кризиса по Голдстоуну: на рост населения, сопровождаемый ростом цен, на финансовый кризис государства, на обеднение, раскол и фракционирование элиты. Отмечая необходимость более подробного исследования этого вопроса, Ч. Даннинг сделал вывод о том, что, «как кажется, модель Голдстоуна применима для России».³⁵

В монографии «Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России» автором был проведен соответствующий анализ для двух циклов российской истории (первый из них закончился «Великой Смутой», а второй – революциями 1905–1917 годов).

³³ Шоню П. Указ. соч. С. 218.

³⁴ Мальтус Т. Р. Опыт закона о народонаселении. СПб, 1895. С. 107–108.

³⁵ Dunning Ch. Does Jack Goldstone's Model of Early Modern State Crises Apply to Russia? / Comparative Studies in Society and History. 1997. Vol. 39. N 3. P. 582–585.

При этом было показано, что практически все описанные выше характерные признаки различных фаз демографического цикла реально фиксируются историческими источниками.³⁶

Последние исследования в области демографически-структурной теории связаны с работами международной «клиодинамической группы» в составе П. Турчина, Т. Холла, А. В. Коротаева, Л. Гринина, С. В. Циреля, Д. А. Халтуриной и некоторых других историков (в том числе и автора этих строк). В частности, непосредственным продолжением исследований Дж. Голдстоуна стали изданная в Принстоне монография П. Турчина и С. А. Нефедова,³⁷ монография А. В. Коротаева, А. С. Малкова и Д. А. Халтуриной³⁸ и упомянутая книга С. А. Нефедова. В статье, опубликованном недавно в авторитетном журнале «Nature», П. Турчин, ссылаясь на результаты работы этой группы, заявил, что отныне можно говорить об обнаружении реальных, математически доказанных закономерностей исторического процесса.³⁹

В работах «клиодинамической группы» изучение демографических циклов проводится с широким использованием экономико-математических моделей.⁴⁰ Математическое моделирование помогает, в частности, оценить влияние на ход демографического цикла кратковременных климатических колебаний, неурожаев, стихийных бедствий. Оно показывает, что в фазе роста крестьяне имеют достаточные запасы зерна и колебания урожайности в этот период не могут привести к катастрофе. Однако в последующий период перенаселения такие запасы отсутствуют, что делает экономическую систему неустойчивой. В этих условиях большой неурожай или нарушающее хозяйственную жизнь вторжение врагов должны рано или поздно привести к драматическим последствиям.⁴¹ Д. Григг отмечает, что неурожаи и пандемии бывали во все времена, но они оказывались катастрофическими лишь в периоды перенаселения, когда население не имело запасов продовольствия и было ослаблено постоянным недоеданием – то есть случайные факторы лишь усиливали эффект перенаселения.⁴²

³⁶ Нефедов С. А. Демографически-структурный анализ...

³⁷ Turchin P., Nefedov S. *Secular Cycles*. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2009.

³⁸ Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. *Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны*. М, 2005.

³⁹ Turchin P. *Arise «cliodynamics»* / *Nature*. 2008. V. 454. P. 34–35.

⁴⁰ Komlos J., Nefedov S. *Compact Macromodel of Pre-Industrial Population Growth* / *Historical Methods*. 2002. Vol. 35. № 2. P. 92–94; Nefedov S. *A Model of Demographic Cycles in a Traditional Society: the Case of Ancient China* / *Chinese Journal of Population Science*. 2003. № 3. P. 48–53 (на кит. яз.); Nefedov S. A. *A Model of Demographic Cycles in a Traditional Society* / *Social Evolution & History*. 2004. Vol. 3. № 1. P. 69–80; Turchin P. *Historical Dynamics. Why States Rise and Fall*. Princeton and Oxford, 2003; Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. *Указ. соч.*; Tsirel S. V. *On the Possible Reasons for the Hyperexponential Growth of the Earth Population* / *Mathematical Modeling of Social and Economic Dynamics*. Moscow, 2004. P. 367–369.

⁴¹ Нефедов С. А. *Концепция демографических циклов*. ... С. 45; Nefedov S. A. *A Model of Demographic Cycles in a Traditional Society*. ... P. 78–79.

⁴² Grigg D. *Op. cit.* P. 283.

1.2. Роль технологического фактора. Теория военной революции

При позитивном восприятии теории Дж. Голдстоуна в целом, некоторые историки указывали на необходимость учета, кроме демографической динамики, и других важных факторов. В частности, Ч. Даннинг, обсуждая вопрос о перспективности применения демографически-структурной теории, указывает на важное влияние еще одного фактора – фактора военно-технических (и просто технических) инноваций.⁴³

Идея о том, что техника и технология определяют социальную структуру и общественные отношения высказывалась многими историками и экономистами. Прежде всего, речь идет о роли технологических революций и великих, *фундаментальных*, открытий. Фундаментальные открытия – это открытия, позволяющие овладеть новыми ресурсами и возможностями, в современной терминологии, это открытия, *расширяющие экологическую нишу* народа или государства и способствующие росту потребления и увеличению численности населения. Это могут быть достижения в области производства пищи, например, domestикация растений, позволяющая увеличить плотность населения в десятки и сотни раз. Это может быть *новое оружие* или новая военная тактика, позволяющие раздвинуть границы обитания за счет соседей. Это могут быть транспортные средства, позволяющие открыть и освоить новые земли. В качестве фундаментальных открытий можно рассматривать также новые технологии, способствующие достижениям в упомянутых выше областях, например, освоение металлургии железа, с одной стороны, позволило создать железные топоры и плуги, облегчившие освоение целины, с другой стороны, сделало возможным появление нового оружия – железных мечей.

Очевидно, что технологический фактор непосредственно влияет на демографическую динамику и социальное развитие общества. С одной стороны, фундаментальные открытия расширяют экологическую нишу, с другой стороны, они могут вызывать трансформации структуры «государство – элита – народ» и вызывать масштабное перераспределение ресурсов между элементами этой структуры.

Обычно отмечают две глобальные общественные трансформации, вызванные «аграрной» («неолитической») революцией, породившей традиционное общество земледельцев, и «промышленной» революцией, обусловившей переход от традиционного к индустриальному обществу. Что касается менее значимых трансформаций внутри традиционного общества, то их связывают в основном с военно-техническими достижениями, то есть с фундаментальными открытиями в военной сфере. В свое время Макс Вебер обратил внимание на то, что появление в Греции вооруженной железными мечами фаланги гоплитов привело к переходу власти в руки состоятельных граждан-землевладельцев.⁴⁴ Аналогичным образом Линн Уайт объясняет становление феодализма появлением стремени, которое сделало всадника устойчивым в седле и обусловило господство на поле боя тяжеловооруженных рыцарей.⁴⁵

Отталкиваясь от этих положений, известный востоковед И. М. Дьяконов создал теорию военно-технологического детерминизма, в которой каждая фаза исторического развития характеризуется изменениями в военной технологии.⁴⁶ Близкую схему связи между военной техникой и политическим режимом обосновывает известный французский социолог Доминик Кола.⁴⁷ Наиболее разработанной из теорий технологического детерминизма является создан-

---

⁴³ Dunning Ch. The Preconditions of Modern Russia's First Civil War / Russian History. 1998. Vol. 25, № 1–2. P. 123–125.

⁴⁴ Вебер М. Аграрная история древнего мира. М., 2001. С. 228.

⁴⁵ White L. Medieval Technology and Social Change. Oxford, 1966. P. 3 – 38.

⁴⁶ Дьяконов И. М. Пути истории. М. 1994.

⁴⁷ Кола Д. Политическая социология. М., 2001. С. 196, 202–207.

ная Майклом Робертсом⁴⁸ теория «военной революции». Эта теория до сих пор мало известна российской исторической общественности, поэтому будет уместно кратко изложить ее основные положения и выводы.⁴⁹

Основная идея М. Робертса состоит в том, что на протяжении последних трех тысячелетий в мире произошло несколько военных революций, каждая из которых была началом нового этапа истории. «Это – историческая банальность, – писал М. Робертс, – что революции в военной технике обычно приводили к широко разветвленным последствиям. Появление конных воинов (точнее, колесничих – С. Н.)... в середине II тыс. до н. э., триумф тяжелой кавалерии, связанный с появлением стремени в IV веке христианской эры, научная революция в вооружениях в наши дни – все эти события признаются большими поворотными пунктами в истории человечества».⁵⁰

М. Робертс подробно проанализировал лишь одну из военных революций – революцию середины XVII века. Эта революция была связана прежде всего с появлением легкой артиллерии. В прежние времена качество литья было плохим, и это вынуждало делать стенки ствола пушек настолько толстыми, что даже малокалиберные орудия было трудно перевозить по полю боя. Шведский король Густав Адольф (1611–1632), осознал, какие перспективы открывает улучшение качества литья – и преступил к целенаправленным работам по созданию легкой полевой артиллерии. Эти работы продолжались более десяти лет, и, в конце концов, в 1629 году была создана легкая «полковая пушка», «regementsstycke».⁵¹ «Полковую пушку» могла везти одна лошадь; два-три солдата могли катить ее по полю боя рядом с шеренгами пехоты – и таким образом, пехота получала постоянную огневую поддержку. «Это была фундаментальная инновация», – писал М. Робертс.⁵²

«Полковая пушка» стала «оружием победы» шведской армии в Тридцатилетней войне; каждому полку было придано несколько таких пушек. Создание полковой пушки и одновременное появление облегченных мушкетов вызвали революцию в военной тактике и стратегии.⁵³

После изобретения «regementsstycke» в руках Густава Адольфа оказалось новое оружие – но нужно было создать армию, которая смогла бы использовать это оружие. Швеция была маленькой и бедной страной, в 1623 году доход королевства составлял 1,6 млн. рейхс-талеров; на эти деньги можно было содержать не более 15 тысяч наемников. Естественный выход из финансовых затруднений состоял в использовании уникального шведского института – всеобщей воинской повинности. Густав Адольф упорядочил несение этой повинности, в армию стали призывать одного из десяти военнообязанных мужчин и срок службы был установлен в 20 лет.⁵⁴ В 1626–1630 годах Густав Адольф призвал в войска 50 тысяч рекрутов; таким образом, была создана *первая в Европе регулярная армия*. Однако финансовая проблема была решена лишь отчасти. Содержание постоянной армии требовало огромных затрат и радикальной налоговой реформы, *резкого перераспределения ресурсов в пользу государства*. Введение новых налогов вызвало сопротивление шведских сословий, но в 1624 году Густаву Адольфу удалось преодолеть это сопротивление и добиться вотиrowания основного налога (landtagsgard)

⁴⁸ Roberts M. Essays in Swedish History. L., 1967.

⁴⁹ Лишь недавно появился краткий обзор иностранной литературы в области теории военной революции: Пенской В. В. Военная революция в Европе XVI–XVII веков и ее последствия / Новая и новейшая история. 2005. № 2. С. 194–206.

⁵⁰ Roberts M. Essays... P. 195.

⁵¹ Roberts M. Gustavus Adolphus. A History of Sweden. Vol. 2. 1625–1632. London, N. Y., Toronto, 1958. P. 232; Нилус А. История материальной части артиллерии. Т. 1. СПб, 1904. С. 142–143.

⁵² Roberts M. Essays... P. 195.

⁵³ Roberts M. Gustavus Adolphus... P. 231, 248.

⁵⁴ Roberts M. Gustavus Adolphus... P. 64, 210, 238–241; Разин Е. А. История военного искусства. Т. III. СПб, 1994. С. 388, 396.

на неопределенное время – таким образом, этот налог стал практически постоянным и его сбор не зависел от согласия риксдага.⁵⁵ Решение финансовой проблемы позволило Густаву Адольфу дополнить призывные контингенты наемниками и создать невиданную по тем временам 80-тысячную армию, вооруженную полковыми пушками и облегченными мушкетами.⁵⁶ Создание регулярной армии породило *волну шведских завоеваний*. В 1630 году шведские войска высадились в Германии, а год спустя, в битве при Брейтенфельде, шведские пушки расстреляли армию императора Фердинанда II. К середине XVII века шведы стали хозяевами Центральной Европы, в своих походах шведские армии достигали южных областей Германии и Польши – и даже Украины.

Громкие победы шведской армии вызвали заимствование шведских военных и социальных инноваций, прежде всего, в государствах, терпевших поражения в борьбе со Швецией, – в германских княжествах, в империи Габсбургов, в Дании, в России. В одной из работ автора показан механизм распространения на Россию шведской военной революции и последовательность заимствования шведских инноваций.⁵⁷ Государства, не сумевшие перенять оружие противника, как показывает опыт Польши, в конечном счете ждала гибель. Как полагает Майкл Робертс, военная революция изменила весь ход истории Европы. Появление регулярных армий потребовало увеличения налогов, создания эффективной налоговой системы и сильного бюрократического аппарата. Появление новой армии, новой бюрократии, новой финансовой системы означали огромное усиление центральной власти и становление режима, который Брайан Даунинг называет «*военно-бюрократическим абсолютизмом*».⁵⁸ Нуждаясь в ресурсах, военно-бюрократический абсолютизм перераспределял доходы в свою пользу; при этом ему приходилось преодолевать сопротивление старой знати, которая терпела поражение в этой борьбе и теряла свое политическое значение.⁵⁹

С другой стороны, увеличение налогов означало новые и часто нестерпимые тяготы для населения, вызывало голод, всеобщее недовольство и восстания. Тридцатилетняя война, в ходе которой на поле боя впервые появились массовые армии, потребовала от государств огромного увеличения военных расходов. Монархи оказывались вынужденными увеличивать налоги и нарушать привилегии сословий, что стало причиной Фронды, восстаний в Испании и Италии и других социальных движений, ассоциируемых с так называемым «кризисом XVII века».⁶⁰

Таким образом, в ходе военной революции, во-первых, происходила *трансформация структуры* – государство превращалось в абсолютную монархию, оно усиливалось включением нового компонента, регулярной армии, прежнее элитное рыцарское ополчение теряло свою роль, а элита становилась в подчиненное положение к государству. Во-вторых, происходило масштабное перераспределение ресурсов в пользу государства и в ущерб народу, что часто приводило к *структурным кризисам*. Мы говорили выше, что демографически-структурная теория часто не может объяснить причины трансформаций структуры и последующих структурных кризисов – теперь мы видим, что, по крайней мере, часть таких кризисов объясняется через посредство теории военной революции. Таким образом, теория военной революции представляет собой необходимый дополнительный инструмент при изучении исторического процесса с использованием демографически-структурной теории.

⁵⁵ Roberts M. Gustavus Adolphus... P. 67.

⁵⁶ Берендс Э. С. Государственное хозяйство Швеции. Ч. I. СПб, 1890. С. 176, 196, 200.

⁵⁷ Нефедов С. А. Первые шаги на пути модернизации России: реформы середины XVII века / Вопросы истории. 2004. № 4. С. 22–52.

⁵⁸ Downing B. The Military Revolution and Political Change. Princeton, 1992. P. 3.

⁵⁹ Roberts M. Essays... P. 213.

⁶⁰ Roberts M. Essays... P. 203–205; Duffy M. (ed.) The Military Revolution and the State, 1500–1800. Exeter, 1980; Downing B. Op. cit. P. 3, 10–11, 56, 77–78.

Во второй половине XX века теория «военной революции» стала общепринятым инструментом при анализе социально-экономического развития различных стран Европы в раннее Новое время. Однако, как отмечал М. Робертс, военная революция XVII века была лишь одной из многих военных революций, и в принципе созданная им теория может распространяться и на другие периоды истории. В контексте этого расширенного применения для нас важно прежде всего то обстоятельство, что теория М. Робертса показывает, что создание постоянной профессиональной армии, находящейся на государственном содержании, влечет за собой трансформацию структуры, масштабное перераспределение ресурсов в пользу государства и установление самодержавия.

1.3. Роль фактора внешних влияний. Диффузионизм

Как отмечалось выше, внешние влияния могут быть многообразными: это, прежде всего, войны, торговля и культурное влияние, связанное с диффузией инноваций. Войны могут быть обусловлены перенаселением и недостатком ресурсов, так что внешние влияния оказываются отчасти производными от демографического фактора. С другой стороны, как военное превосходство, так и распространение культурных инноваций связано с влиянием технологического фактора.

Процесс заимствования и распространения инноваций традиционно изучается в рамках концепции, именуемой *диффузионизмом*. Изучение диффузии культурных инноваций на основе анализа археологических артефактов – это традиционный «культурно-исторический» подход, распространенный метод работы археологов. «Мы находим некоторые категории остатков – пишет Гордон Чайлд, – керамику, орудия труда, украшения, виды погребального обряда, формы жилищ, – постоянно встречающиеся вместе. Такой комплекс связанных признаков мы назовем „культурной группой“ или просто «культурой». Мы убеждены, что этот комплекс является материальным выражением того, что мы сегодня назвали бы «народом».⁶¹ „Далее, – продолжает известный российский археолог Л. Н. Корякова, – как правило, следует анализ изменений в терминах миграции. Одним из вопросов является вопрос о происхождении нового типа и связанной с ним группы населения. Тщательное изучение керамики на прилегающих территориях может гипотетически определить место ее происхождения и даже направление миграции. В противном случае, если эти аргументы покажутся неподходящими, можно искать параллели специфическим чертам культурных сочетаний в других местах. Если культурный комплекс не привязывается к какому-либо внешнему источнику, могут быть найдены некоторые связи... с какой-либо другой культурой. Если такие параллели находятся, археолог приведет доводы в пользу диффузии“.⁶²

Наиболее четко идеи диффузионизма сформулированы в так называемой «*теории культурных кругов*» – историко-этнологической концепции, весьма популярной в 20-х и 30-х годах прошедшего столетия. Как известно, создатель этой концепции Фриц Гребнер считал, что сходные явления в культуре различных народов объясняются происхождением этих явлений из одного центра.⁶³ Последователи Гребнера полагают, что важнейшие элементы человеческой культуры появляются лишь однажды и лишь в одном месте в результате *фундаментальных открытий* в технике и технологии. Эффект фундаментальных открытий таков, что они дают народу-первооткрывателю решающее преимущество перед другими народами. Используя это преимущество, народ-первооткрыватель подчиняет окружающие народы и передает им свою культуру, таким образом формируется *культурный круг* – область распространения данного фундаментального открытия и сопутствующих ему культурных элементов. С другой стороны, чтобы устоять перед натиском завоевателей, окружающие народы вынуждены поспешно перенимать их оружие. В большинстве случаев перенимаются и сопровождающие фундаментальное открытие культурные элементы, такие как политические институты, одежда, обычаи и т. д. Перед *волной завоеваний* движется *волна диффузии*; заимствуя новые культурные элементы, окружающие народы присоединяются к новому культурному кругу. В странах, присоединившихся к новому культурному кругу, протекает сложный процесс *культурного и социального*

⁶¹ Цит. по: Корякова Л. Н. Археология раннего железного века Евразии. Екатеринбург, 2000. <http://virlib.eunnet.net/books/ironage>

⁶² Там же.

⁶³ Graebner F. Methode der Ethnologie. Heidelberg, 1911.

синтеза, взаимодействия привнесенных извне культурных элементов с традиционными порядками, этот процесс иногда прерывается периодами *традиционалистской реакции*.

Таким образом, фактор внешних влияний в диффузионистской теории *является производным от технологического фактора*, по существу, эта теория описывает механизм влияния фундаментальных открытий на жизнь человеческого общества.

Как отмечалось выше, фундаментальные открытия, как правило, совершаются один раз и в одном месте. Теоретически, конечно, возможно, что фундаментальное открытие, породившее данный культурный круг будет конвергентно повторено в другом месте, но в реальности вероятность такого события близка к нулю: быстрота распространения информации об открытии не оставляет времени для его независимого повторения. В традиционном обществе чаще всего в роли фундаментального открытия выступает новое оружие, которое порождает волну завоеваний. Распространение волны завоеваний связано с *демографическими катастрофами*; нашествие обрывает демографические циклы в завоеванных государствах, и *социальный синтез* происходит в фазе роста нового цикла.

Таким образом, культурно-историческая школа представляет историю как динамичную картину распространения культурных кругов, порождаемых происходящими в разных странах фундаментальными открытиями. История отдельной страны в рамках этой концепции может быть представлена как *история адаптации к набегающим с разных сторон культурным кругам*, как история трансформации общества под воздействием внешних факторов, таких, как нашествие, военная угроза или культурное влияние могущественных соседей. В исторической науке такие трансформации применительно к конкретным случаям обозначаются как эллинизация, романизация, исламизация, вестернизация и т. д.

Для темы нашего исследования чрезвычайно важно то обстоятельство, что трансформация общества под воздействием диффузионной волны представляет собой трансформацию структуры «государство – элита – народ» и сопровождается перераспределением ресурсов в рамках этой структуры. Таким образом, некоторые трансформации структуры, необъяснимые с позиций демографически-структурной теории, могут быть объяснены через внешние диффузионные влияния.

Созданная почти столетие назад теория культурных кругов прошла длительный путь развития; одно время она подвергалась критике, но затем авторитет теории был в целом восстановлен, и она до сих пор эффективно применяется как в археологии и этнографии, так и в исторической науке.⁶⁴ В настоящее время регулярно проводятся конференции, посвященные анализу процесса диффузии – прежде всего в области вооружения – на обширных пространствах Евразии.⁶⁵ Идеи, близкие концепции диффузионизма, находят свое отражение в курсах истории России; в качестве примера можно назвать учебное пособие В. Э. Лебедева.⁶⁶

Классическим изложением истории человечества с позиций диффузионизма является известная монография Уильяма Мак-Нила «Восхождение Запада».⁶⁷ Важно отметить, что У. Мак-Нил говорит о тех же военно-технических открытиях, что и М. Робертс: об изобретении боевой колесницы в середине II тыс. до н. э., о появлении стремян в IV в. н. э. и т. д., и описывает вызванные этими военными революциями последствия, в частности, распространение порожденных ими волн завоеваний. Однако в «Восхождении Запада» У. Мак-Нил уделяет основное внимание процессу распространения инноваций и не объясняет, почему те или иные открытия в военной или производственной сфере повлекли определенные изменения в сфере

⁶⁴ См.: Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайской цивилизации. М. 1976. С. 3 – 36.

⁶⁵ См., например: Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Оружие и защитное вооружение как индикатор культурного обмена степей и античного мира / Восток = Oriens. 2004. № 3. С. 155–157.

⁶⁶ Лебедев В. Э. Древняя Русь в контексте мировой истории. Екатеринбург, 2005.

⁶⁷ McNeill W The Rise of the West: a History of the Human Community. New York, 1963. Русский перевод: Мак-Нил У. Восхождение Запада. История человеческого сообщества. Киев – Москва, 2003.

социальной и политической. В более поздней монографии, «В погоне за мощью»,⁶⁸ У. Мак-Нил касается этого вопроса более подробно, описывая «военную революцию» XVI–XVII веков и ссылаясь на исследования М. Робертса, Г. Паркера и других теоретиков «военной революции». Таким образом, мы видим, что диффузионизм в версии У. Мак-Нила включает в себя теорию «военной революции». Более того, при рассмотрении социально-экономических кризисов XVII и конца XVIII веков У. Мак-Нил использует элементы неомальтузианского подхода и ссылается на Ф. Броделя.⁶⁹ Хотя этому сюжету в книге У. Мак-Нила посвящено лишь несколько страниц, он имеет принципиальное значение, так как содержит *идею анализа исторического процесса как результата взаимодействия демографического и технического факторов – и соответственно, идею теоретического синтеза неомальтузианства и диффузионизма.*

---

⁶⁸ McNeill W. The Pursuit of Power: Technology, Armed Force, and Society since A. D. 1000. Oxford, 1983. Русский перевод: Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках / предисловие Г. Дерлугьяна, научная редакция и послесловие С. А. Нефедова. М., 2008.

⁶⁹ Ibid. P. 102, 143.

1.4. Теория модернизации

Для периода Нового времени трансформация структуры, определяемая технологическим (диффузионным) фактором, в широком плане рассматривается в рамках *теории модернизации* (современное описание различных вариантов этой теории имеется в работах В. В. Алексеева и И. В. Побережникова⁷⁰). По определению одного из создателей теории модернизации С. Блэка, модернизация – это процесс адаптации традиционного общества к новым условиям, порожденным научно-технической революцией, которая сделала возможным контроль за средой обитания.⁷¹ С. Блэк выделяет несколько последовательных стадий модернизации; первая из них – это «вызов модернизации» в XVI–XVIII веках. Это был первый этап европейской научно-технической революции, которая привела к развитию мануфактур и торговли и вызвала к жизни «просвещенный абсолютизм» с его централизацией и бюрократизацией.⁷² С. Блэк не разъясняет механизм возникновения абсолютизма, но очевидно, что среди технических достижений XVI–XVII веков особое место занимали военно-технические достижения, описываемые теорией «военной революции», и в этой своей части теория модернизации воспроизводит выводы теории «военной революции». Как отмечает Г. Паркер, «в значительной мере подъем Запада... был обусловлен как раз теми изменениями в ведении войны, которые позднее будут обозначены как „военная революция“».⁷³

Страны, находившиеся на периферии Европы, практически сразу же стали перенимать достижения Запада. «Начиная с конца XV века в России и несколько позже в Турции, – писал С. Блэк, – была принята система политического использования западной техники и специалистов, чтобы модернизировать войско и бюрократию, строить укрепления и общественные здания, создавать фабрики и осваивать природные ресурсы. Эта политика приняла наиболее активную форму в России при Петре Великом...»⁷⁴ Таким образом, С. Блэк подчеркивает роль процесса диффузии в распространении западноевропейских инноваций: «Модернизация – не единственное слово, которое описывает этот процесс, слова «европеизация» и «вестернизация» используются в том же смысле».⁷⁵ Для периферийных стран Восточной Европы и Азии процесс модернизации часто прямо отождествляется с диффузионным процессом вестернизации, так, например, А. Н. Медушевский и А. Б. Каменский указывают, что *модернизация приняла в России форму европеизации или вестернизации* – преобразования общества по западному образцу.⁷⁶ Важно отметить, однако, что модернизация не сводилась к простому перениманию отдельных западных институциональных и технических инноваций; в процессе этого перенимания происходил *синтез привнесенных и традиционных элементов*. Чрезвычайно важное значение для понимания механизмов диффузионных процессов в России XVIII–XIX веков имеют появившиеся в последнее время работы Е. В. Алексеевой.⁷⁷ Ряд

⁷⁰ Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу. М., 2006; Алексеев В. В., Побережников И. В. Модернизационная парадигма российской истории / Информационный бюллетень Научного совета РАН по проблемам российской и мировой истории. 2006. № 4. С. 7 – 18; Алексеев В. В., Побережников И. В. Школы модернизации: эволюция теоретических основ / Уральский исторический вестник. 2000. № 5–6. С. 8 – 49.

⁷¹ Black C. E. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. N. Y., 1966. P. 7.

⁷² Ibid. P. 69.

⁷³ Цит. по: Пенской В. В. Указ. соч. С. 199.

⁷⁴ Black C. E. The Dynamics of Modernization... P. 71.

⁷⁵ Ibid. P. 6.

⁷⁶ Медушевский А. Н. Утверждение абсолютизма в России. М., 1993. С. 47; Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. М., 1999. С. 41.

⁷⁷ Алексеева Е. В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.). М., 2007 и др.

аспектов российской модернизации в контексте теории диффузионизма рассматривался также в работах автора.⁷⁸

В конце XVIII века европейская модернизация вступила в новый этап; С. Блэк называет его «стадией консолидации модернизаторского руководства». Это было время промышленной революции. «Триста лет назад... – писал Элвин Тоффлер, – произошел взрыв, ударная волна которого обошла всю землю, разрушая древние общества и порождая совершенно новую цивилизацию. Таким взрывом была промышленная революция. Высвобожденная ею гигантская сила, распространявшаяся по миру... пришла в соприкосновение с институтами прошлого и изменила образ жизни миллионов».⁷⁹

Промышленная революция была вместе с тем и военной революцией, она дала в руки европейцев новое оружие, и военная экспансия Запада вызвала резкое усиление процесса вестернизации. Волна завоеваний, исходившая из Европы, привела к созданию обширных колониальных империй и диффузии европейских стандартов в те общества, которые остались независимыми.

Для темы нашего исследования важно то обстоятельство, что модернизация общества на этапе «консолидации модернизаторского руководства» представляет собой трансформацию структуры «государство – элита – народ» и сопровождается перераспределением ресурсов в рамках этой структуры. Таким образом, некоторые трансформации структуры, необъяснимые с позиций демографически-структурной теории, могут быть объяснены через теорию модернизации.

Важно отметить, что в «стадии консолидации» развитие транспорта, торговли и сельскохозяйственных технологий позволило индустриальным странам Запада резко увеличить «средства существования» для своих народов и снять мальтузианские ограничения. Резкое расширение экологической ниши индустриального общества привело к нарушению характерного для традиционного общества чередования демографических циклов. Однако в России влияние агротехнической модернизации стало сказываться на увеличении урожайности лишь с 1950-х годов и было относительно ограниченным. Более существенно было то, что модернизация в демографической сфере привела к изменению типа воспроизводства населения, к снижению рождаемости и к уменьшению естественного прироста. Эти демографические перемены приводят некоторых исследователей к выводу о том, что применение концепции демографических циклов при анализе развития России во второй половине XX века требует существенной корректировки.

В работах Теодора фон Лауэ, одного из наиболее известных историков XX века, была подробно разработана «теория вестернизации».⁸⁰ В целом эту теорию можно считать частью более общей теории модернизации и в то же время элементом диффузионистской концепции. Согласно теории фон Лауэ, процесс вестернизации был главным содержанием мировой истории XIX–XX веков; он был обусловлен военным, техническим и культурным превосходством Европы – результатом промышленной революции, которая началась в Англии в конце XVIII столетия. Государства, оставшиеся независимыми, были вынуждены перед лицом военного и экономического давления спешно перенимать вооружение, технику, промышленную и социальную организацию, материальную, а затем и духовную культуру Запада.⁸¹ Вестерниза-

⁷⁸ Нефедов С. А. Реформы Петра III и диффузионные процессы в Европе XVIII века / Роль исторического образования в формировании исторического сознания общества... Ч. II. Екатеринбург, 2007. С. 32–39; Нефедов С. А. Наполеоновские войны и реформы Александра I в контексте концепции диффузионизма / Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Екатеринбург, 2007. С. 187–194.

⁷⁹ Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999. С. 13.

⁸⁰ Laue Th. von. Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of Russian Revolution. 1900–1930. Philadelphia and New York, 1964; Laue Th. von. The World Revolution of Westernization. The Twentieth century in Global Perspective. N. Y., 1987.

⁸¹ Laue Th. von. The World Revolution... P. 37.

ция наносила сокрушительные удары по традиционной культуре и традиционным общественным отношениям. «...Господство Запада делается явным не только в прямолинейной форме превосходящих машин или экономического вторжения, – писал фон Лауэ, – но в более коварной форме всеобщей модели. Эта форма давления, наименее заметная среди инструментов империалистов, была все же наиболее мощной и действовала как постоянная тихая подрывная деятельность. Она разрушала престиж традиционной власти и подрывала преданность людей к их традициям и к их правительству. Никогда во всей истории не существовало такой обширной подрывной силы, как сила Запада... Почти все, что делал белый человек, вплоть до его прихотей, вызывало подражание, иногда просто потому, что это было необычным. Некоторые важнейшие понятия, подобно демократии и свободе, носили такой ореол престижа, что и сегодня они служат как ключевые лозунги – и даже в тех странах, которые извратили их значение в противоположное... То же самое излияние западных норм, которое подорвало различные неевропейские цивилизации, ниспровергало также традиции и нравы имперской России. Тихая революция извне разрушала традиционную власть царской России намного раньше того, когда она физически разрушилась».⁸²

Модернизация не сводилась к простому перениманию отдельных западных институциональных и технических инноваций; она часто наталкивалась на *традиционалистскую (фундаменталистскую) реакцию* и периоды усвоения нововведений прерывались периодами частичного возврата к прежним традициям. В дальнейшем происходил *процесс синтеза привнесенных и традиционных элементов*. «Во многих обществах, – писал Д. Рюшемейер, – модернизированные и традиционные элементы сплетаются в причудливые структуры... Частичная модернизация представляет собой такой процесс социальных изменений, который ведет к институционализации в одном и том же обществе относительно модернизированных социальных форм и менее модернизированных структур».⁸³ Более того, такое частично модернизированное общество может существовать в течение поколений и развиваться по своей, определенной толчком частичной модернизации траектории, отличной от траектории развития Запада. При этом – если это общество достаточно сильно для проведения изоляционистской политики – оно может некоторое время отторгать дальнейшие диффузионные импульсы, идущие с Запада. Таким образом, модернизация в периферийных странах распадается на два процесса – эндогенное развитие как следствие частичной модернизации и экзогенное развитие под действием постоянной диффузии, которая, однако, может частично блокироваться.

Родиной промышленной революции была Англия, и именно Англия стала исходной моделью, которой подражали страны, вступившие на путь вестернизации. Характерными чертами английского общества были неприкосновенность частной собственности, свобода частного предпринимательства, свобода личности, экономический индивидуализм и парламентаризм; Адам Смит и другие экономисты того времени доказывали, что именно эти характерные черты (ставшие принципами либерализма) способствовали началу промышленной революции и бурному процессу английской индустриализации. Однако, как отмечает У. Мак-Нил, во второй половине XIX века появилась другая, германская, модель индустриализации, основанная на активном государственном регулировании экономических и социальных отношений.⁸⁴ Появление этой модели было результатом культурного и социального синтеза привнесенных из Англии новых элементов с традиционным прусским этатизмом, и поскольку Германия стала самым могущественным государством Европы, германская модель, в свою очередь, стала образцом для вестернизации периферийных государств. Таким образом, в конце XIX века

⁸² Laue Th. von. Why Lenin... P. 8–9, 33.

⁸³ Цит. по: Побережников И. В. Социальное изменение в теоретических проекциях / Уральский исторический вестник. 2001. № 7. С. 63–63.

⁸⁴ Мак-Нил У. Указ. соч. С. 942–950.

существовали две конкурировавшие между собой модели вестернизации, английская и германская, и процесс модернизации стал более сложным.⁸⁵ Это обстоятельство весьма существенно для анализа модернизации в России и в странах Восточной Европы.

Мы не ставим перед собой цель подробно изложить теорию модернизации, ее изложению и анализу развития России с позиций модернизации посвящена многочисленная литература.⁸⁶ Как отмечалось выше, в данном случае речь идет о том, чтобы объяснить трансформации структуры, происходящие под действием технологического фактора. Влияние этого фактора описывается, в частности, концепцией диффузионизма, теорией «военной революции, и теорией модернизации. Эти теории связаны между собой и содержат общие элементы, но при этом освещают течение исторического процесса с разных сторон, взаимно дополняя друг друга.

---

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Помимо работ, отмеченных выше, см., например: Красильщиков В. А. Вдгонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998; Поляков Л. Российская модернизация: социо-психо-аналитический подход / Коллаж. М., 1997. С. 55–75; Уткин А. И. Россия и Запад: история цивилизаций. М., 2000; Хорос В. Русская история в сравнительном освещении. М., 1996; Зарубина Н. Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. СПб., 1998; Модернизация в России и конфликт ценностей. М., 1994; McDaniel T. Autocracy, Modernization, and Revolution in Russia and Iran. Princeton, 1989.

1.5. Трехфакторная модель исторического процесса

Суммируя изложенное выше, мы можем констатировать, что современное состояние теории факторов исторического процесса позволяет описать механизм совместного действия трех факторов, *демографического, технологического и географического*. При этом воздействие географического фактора отличается по своему характеру от воздействия других рассматриваемых факторов. Численность населения и технология являются переменными, динамическими величинами, в то время как природные условия остаются относительно постоянными на протяжении тысячелетий.⁸⁷ Географический фактор *является формообразующим*, он участвует в формировании обществ земледельцев и кочевников, а в дальнейшем его влияние проявляется в процессах социального синтеза, которые начинаются после завоевания земледельческих обществ кочевниками.

Демографический фактор является динамическим, и, как было показано выше, его действие описывается демографически-структурной теорией. Этот фактор предопределяет развитие земледельческих обществ в ритме демографических циклов: первоначально, когда численность населения мала и свободных земель много, уровень потребления достаточно высокий и население быстро растет, затем рост населения приводит к нехватке земель и снижению уровня потребления, наступает время крестьянского малоземелья, многие крестьяне пытаются заработать на жизнь ремеслом и уходят в города, города растут, но одновременно растет число безработных и нищих, все чаще приходят голодные годы и начинаются восстания голодающих, которые поддерживает часть беднеющей знати. В конце концов случайные воздействия, неурожай и войны, приводят к голоду и эпидемиям, а восстания перерастают в гражданскую войну. В ходе этих социальных конфликтов к власти приходит этактистская монархия, пытающаяся накормить голодных, но в конечном счете войны и голод приводят к демографической катастрофе. Численность населения уменьшается, проблема малоземелья и голода уходит в прошлое, и через некоторое время начинается рост населения в новом демографическом цикле.

Технологический фактор также является динамическим, его действие описывается тремя дополняющими друг друга теориями, теорией диффузионизма, теорией военной революции и теорией модернизации. Действие технологического (или *диффузионного*) фактора предопределяет другую последовательность событий: фундаментальное открытие, совершенное неким народом (чаще всего создание нового оружия) вызывает волну завоеваний. Одновременно те общества, которые избежали завоевания, под угрозой нашествия перенимают оружие и обычаи завоевателей, и таким образом формируется культурный круг – область распространения данной фундаментальной инновации и культуры народа-завоевателя. В государствах, вошедших в новый культурный круг, происходит процесс культурного и социального синтеза привнесенных инноваций и местных традиций; этот синтез иногда прерывается традиционалистской реакцией – периодами частичного отторжения инноваций.

Таким образом, действие каждого фактора предсказывает определенную «элементарную последовательность» событий и задача факторного анализа состоит в том, чтобы представить исторический процесс в виде суммы, суперпозиции «элементарных последовательностей», подобно тому, как в регрессионном анализе пытаются приблизить последовательность наблюдаемых экспериментальных данных суммой последовательностей-факторов, а затем оценить «остаточную дисперсию» – долю тех событий, которые нельзя объяснить этим методом.

Первые, хотя еще недостаточно формализованные, попытки применения факторного метода мы видим у У. Мак-Нила. В известной работе «В погоне за мощью»⁸⁸ У. Мак-Нил

⁸⁷ Гринин Л. Е. Эпоха формирования государства. М., 2007. С. 61.

⁸⁸ McNeill W. The Pursuit of Power... P. 143–146.

описывает историю Европы после XV века как суперпозицию событий, индуцированных действием демографического и технологического факторов. Эта методология позднее была использована автором в монографии «Факторный анализ исторического процесса. История Востока»⁸⁹ и в ряде работ, посвященных анализу отдельных периодов истории России.⁹⁰

Таким образом, мы можем говорить о становлении новой концепции развития человеческого общества. В этой концепции внутреннее развитие описывается с помощью демографически-структурной теории, однако на демографические циклы иногда накладываются волны завоеваний, порожденных совершенными в той или иной стране фундаментальными открытиями. За этими завоеваниями следуют демографические катастрофы, социальный синтез и трансформация структуры, в ходе которой рождается новое общество и новое государство. Характеристики новой структуры «государство – элита – народ» зависят от тех исходных компонентов, которые участвуют в социальном синтезе, от того, какими были общество завоеванных и общество завоевателей. В истории России был период, когда в роли завоевателей оказались кочевники, монголо-татары. Земледельцы и кочевники представляли собой два разных хозяйственных типа, их обычаи и социальные отношения определялись, прежде всего, различными условиями природной среды, географическим фактором. Поэтому для того, чтобы понять механизм социального синтеза, необходимо кратко проанализировать, каким образом географический фактор (вместе с другими факторами) формировал общество земледельцев и общество кочевников.

---

⁸⁹ Нефедов С. А. Факторный анализ исторического процесса. История Востока. М., 2008.

⁹⁰ Нефедов С. А. Новая интерпретация истории Киевской Руси. Екатеринбург., 2001. Рукопись депонирована в ИНИОН РАН 14.03.2001. № 556 323; Нефедов С. А. Новая интерпретация истории монгольской Руси. Екатеринбург., 2001. Рукопись депонирована в ИНИОН РАН 14.03.2001. № 556 325. См. также: Нефедов С. А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург, 2005.

1.6. Форсирование земледельческого общества

Доместикация растений явилась великим достижением человечества, намного расширившим его экологическую нишу, – по определению Гордона Чайлда, это была «неолитическая революция».⁹¹ Неолитическая революция началась в X тысячелетии до н. э. на Ближнем Востоке, в регионе, где распространены дикорастущие пшеница и ячмень и первобытные общины издавна занимались собирательством съедобных злаков. В контексте диффузионистской теории доместикация растений рассматривается как *фундаментальное открытие*, кардинальным образом изменившее жизнь людей. Прежде всего, она имела огромные демографические последствия. По некоторым оценкам, в эпоху мезолита средняя плотность населения равнялась 0,04 чел./км², а в эпоху раннего земледелия она увеличилась до 1 чел./км² – это означает, что лишь на первом этапе «неолитической революции» емкость экологической ниши увеличилась в десятки раз. В отдельных областях наблюдался еще более значительный рост плотности населения: в юго-западном Иране с 0,1 до 2 чел./км², в Восточном Средиземноморье с 0,1 до 1,5 – 10 чел./км².⁹²

Оценки археологов подтверждаются данными этнографии: в то время как у охотников и собирателей плотность населения редко превышает 0,2 чел./км², плотность населения в областях распространения переложного земледелия в Африке, Азии и Америке составляет в среднем около 9 чел./км².

Образ жизни различных племен, занимавшихся подсечно-огневым земледелием, был весьма схожим. Так же, как охотники, ранние земледельцы жили родовыми общинами, состоявшими из родственных семей. Мужчины все вместе расчищали участки земли, причем, поскольку земля быстро истощалась, то процесс расчистки новых участков был практически постоянным; старые участки забрасывались, и община переходила на новые поля – эта система раннего земледелия называется подсечно-огневой или переложной. Если община состояла из многих семей, то расчищенные участки делили на семейные наделы, и урожай считался собственностью семьи, но определенная его часть поступала в распоряжение рода. Важнейшие дела общины решались на сходках мужчин; вожди, как правило, пользовались лишь слабой властью и не имели привилегий. Такого рода общественные отношения имели место у индейцев Амазонии, папуасов Новой Гвинеи, даяков Калимантана, таи и сенои Суматры, ирокезов Северной Америки и многих других архаических племен.⁹³ Как мы увидим далее, подобные порядки были распространены и у практиковавших подсечное земледелие восточных славян.

Как отмечают исследователи, ранние земледельцы сохранили свойственный охотникам общинный коллективизм и относительно равномерное распределение пищи.⁹⁴ Это было связано, прежде всего, с необходимостью объединения усилий всей общины для расчистки новых участков земли – при отсутствии железных орудий труда одиночка был не в состоянии справиться с этой тяжелой работой.⁹⁵

⁹¹ Childe V. G. *Man Makes Himself*. L., 1941.

⁹² Козинцев А. Г. Переход к земледелию и экология человека / Ранние земледельцы. Л., 1980. С. 18; 38.

⁹³ Файнберг Л. А. Индейцы Бразилии. М., 1975. С. 8 – 10; Бутинов Н. А. Папуасы Новой Гвинеи. М., 1968. С. 116–119; Бутинов Н. А. Общинно-родовой строй мотыжных земледельцев / Ранние земледельцы. М., 1980. С. 116, 125; Марков Г. Е. История хозяйства и материальной культуры. М., 1979. С. 198–217; История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986. С. 356

⁹⁴ Кабо В. Р. Первобытная доземледельческая община. М., 1986. С. 70; Файнберг Л. А. Указ. соч. С. 8 – 11; Решетов А. М. Основные хозяйственно-культурные типы ранних земледельцев / Ранние земледельцы. Л., 1980. С. 39.

⁹⁵ В. М. Папуасы Новой Гвинеи: производство и общество / Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968. С. 283.

Считается, что от начала неолитической революции до появления первых государств прошло около пяти тысяч лет. За этот период плотность населения на Ближнем Востоке возросла с 0,05 – 0,07 до 10 чел./км², то есть в 150–200 раз.⁹⁶ Постепенно в некоторых общинах стала ощущаться нехватка земли, вызвавшая переход от раннего земледелия к развитому, при котором хозяйство велось на постоянных участках, а плодородие почв поддерживалось с помощью ирригации, паров и удобрений. Другим следствием нехватки земли стало расселение земледельцев на восток, в Иран и Среднюю Азию, и на запад, в Европу.⁹⁷

Среди историков весьма популярна биологическая модель распространения земледельческой культуры, созданная генетиком Р. А. Фишером и его последователями, А. Дж. Аммерманом и Л. Л. Кавалли-Сфорца.⁹⁸ Согласно этой модели, распространение земледелия рассматривается как диффузионный процесс, обусловленный увеличением численности земледельцев, что приводило к их миграции из первоначального региона обитания – то есть распространялась не идея земледелия, а сами земледельцы. Этот волновой процесс был проанализирован на основе математической модели, которая показала, что скорость миграционного продвижения в Европе составляла около одного километра в год.⁹⁹

Таким образом, в соответствии с теорией, фундаментальное открытие, освоение земледелия, породило *миграционную волну*. Один из путей распространения этой волны вел с Ближнего Востока на Балканы. В VII тыс. до н. э. выходцы из Малой Азии принесли с собой на юг Балканского полуострова навыки земледельческого хозяйства, культурные растения (пшеницу, ячмень, чечевицу), домашних животных (овец, коз), ближневосточную культуру и язык, близкий языку малоазиатских хаттов и хурритов. Эти люди принадлежали к восточно-средиземноморскому антропологическому типу, который характеризуется грациозностью (тонкостью), невысоким ростом, темной пигментацией, скошенным лбом и крупным носом. В конце VI тысячелетия до н. э. земледельцы продвинулись в Северное Причерноморье до Днепра и основали здесь поселения трипольской культуры. Анализ хозяйства, домостроительства, материальной и духовной культуры, орнаментики, скульптуры, ритуалов и верований трипольской культуры демонстрирует выразительные малоазиатские параллели. О южно-анатолийских корнях Триполья свидетельствует набор одомашненных растений и животных, типология керамики, поклонение «Великой Богине», священному быку и небесному змею, ритуальные захоронения детей и бычьих голов под полом жилищ. Некоторые элементы традиционной культуры, имеющие ближневосточное происхождение, попали в позднейший славянский этнокультурный комплекс как наследие трипольцев. К ним, в частности, относятся древние реликты культов священного быка и небесного змея в украинском и русском фольклоре. Эти же истоки имеет архаическая лексика ближневосточного происхождения в индоевропейских языках – явление, о котором еще будет идти речь в дальнейшем.¹⁰⁰

Продвигавшиеся на необжитые равнины колонисты-земледельцы были с избытком обеспечены землей, хлебом и мясом и не чувствовали необходимости добывать себе пропитание, осваивая ремесла. Каждая семья, как могла, обеспечивала себя домотканной одеждой и лепила грубые глиняные горшки, обжигая их потом на костре. Между тем на Ближнем Востоке ситуация постепенно менялась: все окружающие земли уже были заняты земледельцами и крестьянская эмиграция стала невозможной. Началась фаза перенаселения и Сжатия. В соответствии с демографически-структурной теорией перенаселение вызвало развитие ремесел. Нехватка земли привела к появлению в общинах «лишних людей», которые пытались прокормиться с

⁹⁶ Массон В. М. Первые цивилизации. Л., 1989. С. 47.

⁹⁷ Там же. С. 69; Козинцев А. Г. Указ. соч. С. 20.

⁹⁸ Ammerman A. J., Cavalli-Sforza L. L. The Neolithic Transition and the Genetics of Populations in Europe. Princeton, 1984.

⁹⁹ Ibid.

¹⁰⁰ Зализняк Л. Первісна історія України. Киев, 1999.

помощью гончарства или ткачества. Появление профессиональных ремесленников и постоянная ремесленная практика привели к совершенствованию орудий труда. В IV тысячелетии до н. э. на Ближнем Востоке появился ручной гончарный круг и печи для обжига посуды, а немного позже – ножной гончарный круг.¹⁰¹ Были созданы также ткацкие станки – сначала вертикальный, а затем, во II тысячелетии до н. э. – горизонтальный ткацкий станок. Эти изобретения не были фундаментальными открытиями в том смысле, что они не давали освоившим их народам решающего преимущества перед другими этносами – но они тоже распространялись диффузионным путем, отмечая границы влияния ближневосточной цивилизации. В IV тысячелетии до н. э. примитивный гончарный круг и гончарные печи стали известны на Балканах и в трипольской культуре Северного Причерноморья.¹⁰²

Еще одной областью профессионального ремесла стала металлургия меди и бронзы. Медные изделия научились отливать еще в V тысячелетии до н. э., но применение медных орудий (или оружия) сдерживалось как редкостью этого металла, так и тем, что медь значительно уступала в твердости камню. В IV тысячелетии до н. э. ближневосточные мастера научились получать твердые сплавы меди и мышьяка или меди и олова – это были две разновидности бронзы. Бронза была дороже, чем медь, но из нее можно было делать инструменты для обработки камня и дерева. Бронзовый инструмент, в частности, использовался при изготовлении появившихся в то время колесных повозок.

Сжатие и порожденное им имущественное расслоение стимулировало развитие также и некоторых специфических ремесел, прежде всего производства предметов роскоши. Распространилось ювелирное ремесло, производство дорогих тканей, украшений и роскошной посуды. К предметам роскоши первоначально относились и появившиеся во II тысячелетии до н. э. изделия из стекла – прежде всего, разноцветные бусы и браслеты. Сама по себе сложная техника производства предметов роскоши мало что давала людям – но исследователи археологических культур часто судят о степени их развития по технике изготовления предметов роскоши. Развитие этой техники свидетельствует об общем уровне ремесел, о степени имущественной дифференциации, об уровне перенаселения и Сжатия. Так, например, в очаге ближневосточного Сжатия, в Двуречье, в III тыс. до н. э. предметы роскоши составляли 94 % всех сохранившихся от того времени металлических изделий, а на Иранском нагорье, где перенаселение еще не ощущалось, – только 34 %; основная часть металла в Иране шла на изготовление оружия и необходимых орудий труда.¹⁰³

Еще одним следствием ближневосточного Сжатия были военные столкновения между общинами за землю. Согласно обладающей большим авторитетом теории Р. Карнейро, в результате завоевания одной общины другой росла социальная стратификация, а также появлялась необходимость в классе управляющих, собирающих дань (или налоги) с покоренного населения – таким образом возникали первые государства.¹⁰⁴ Усложнение общественного устройства, в свою очередь, потребовало создания новых способов коммуникации. В конце IV тысячелетия до н. э. для передачи слов и понятий стали использовать иероглифы, которые, постепенно упрощаясь, превратились к середине III тысячелетия в клинописные знаки. Значки клинописи были мало похожи на передаваемые понятия. Вскоре они превратились в условные символы. На рубеже II–I тысячелетий до н. э. один из семитских народов, финикийцы,

¹⁰¹ История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1. М., 1983. С. 90.

¹⁰² Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини. Мир Древней Европы. М., 2006. С. 136.

¹⁰³ Авилова Л. И. Древнее металлопроизводство в Иране и Месопотамии в энеолите – среднем бронзовом веке / Портал «Археология России», 2007. <http://www.archeologia.ru/Library/Book/1e3d3a8bc220/page1>

¹⁰⁴ Carneiro R... L... A Theory of the Oridgin of the State / Science. 1970. Vol. 21. № 169. P. 733–738. Русский перевод см.: Карнейро Р. Л. Теория происхождения государства / Раннее государство, его альтернативы и аналоги Волгоград, 2006. С 55 – 71

усовершенствовал клинопись и создал алфавит из 22 букв. Далее начался процесс диффузионного распространения письменности. От финикийского алфавита произошли арамейский и греческий, от арамейского – персидский, арабский и индийский, от греческого – латинский и – уже в IX веке н. э. – славянский. Как и распространение ремесел, процесс распространения письменности был достаточно медленным; это было связано с тем, что письменность и ремесла предполагают достаточно высокую плотность населения и обстановку Сжатия.

Дальнейшее увеличение плотности населения в конечном счете вело к появлению первых государств. Благодаря большой работе, проделанной группой американских исследователей во главе с Дж. Мердоком, в настоящее время существует база данных, позволяющая проверить наличие зависимости между некоторыми действующими факторами и уровнями государственности и социальной стратификации с помощью методов математической статистики.¹⁰⁵ Такое исследование было проведено А. В. Коротаевым и Н. Н. Крадиным.¹⁰⁶ Ими было установлено, что главными предпосылками для появления классов и государства являются переход к развиту земледелию и достижение благодаря этому определенного порога плотности населения. Но при этом важную роль играют дополнительные условия: наличие технологии хранения зерна (например, керамических сосудов), металлургии бронзы, колесных транспортных средств и письменности.¹⁰⁷ Таким образом, перечисленные выше открытия были необходимыми шагами на пути становления первых государств, и в целом появление классов и государства было результатом совокупного действия технологического, географического и демографического фактора.

---

¹⁰⁵ Murdock G. P. Atlas of World Culture Pittsburgh, 1981

¹⁰⁶ Коротаев А. В. Некоторые экономические предпосылки классовообразования и политогенеза / Архаическое общество узловые проблемы социологии развития М, 1991 С 136–191; Крадин Н. Н. Археологические признаки цивилизации / Раннее государство, его альтернативы и аналоги Волгоград, 2006 С 184 – 210

¹⁰⁷ Коротаев А. В. Указ. соч. С. 139–155, 174; Крадин Н. Н. Указ. соч. 195–196, 201.

1.7. Земледельцы и скотоводы на юге России

Как полагают специалисты, трипольская культура на Юге России даже в период своего расцвета не достигала уровня государственности. В IV тысячелетии до н. э. рост численности населения привел к появлению больших поселений с 10–15 тысячами жителей, получило распространение гончарное ремесло, стали использоваться медные орудия. Однако насельники трипольской культуры не знали письменности и бронзы, а вместо колесных повозок использовали примитивные волокуши.¹⁰⁸

К востоку от Триполья, в степях за Днестром, обитали охотничьи племена, которые, отчасти смешавшись с колонистами, со временем познакомились с основами земледелия и скотоводства – таким образом, в процессе диффузии и социального синтеза сложилась новая культура полуседлых скотоводов и земледельцев – это были предки современных индоевропейских народов.¹⁰⁹ Следы этой культурной диффузии сохранились в отдельных словах некогда общего индоевропейского языка, которые были заимствованы у пришедших с Ближнего Востока земледельцев и потом были унаследованы русским языком. В их числе можно упомянуть *rughio* – рожь; *lino* – лен; *kulo* – колоть, копье; *sel* – село; *dholo* – долина, *sur* – сыр; *klau* – ключ; *medu* – мед; *agno* – ягненок; *sekur* – секира; *septm* – семь и так далее.¹¹⁰

Индоевропейские охотники и скотоводы отличались от малорослых и смуглых трипольцев в антропологическом отношении – они были более высокими и имели бледную кожу. Большинство археологов отождествляют индоевропейцев с насельниками среднестоговской культуры Северного Причерноморья. Поселения этой культуры известны тем, что при раскопках здесь были найдены древнейшие псалии – костяные части конской уздечки. Это служит доказательством того, что уже в середине V тысячелетия до н. э. индоевропейцы приручили водившихся в степях диких лошадей, тарпанов и использовали их для езды верхом. Тарпаны были маленькими грацильными лошадами, их рост в холке составлял 120–130 см – в то время как современные лошади имеют рост 150–175 см. Тарпанов разводили так же, как крупный рогатый скот, ради молока и мяса, и они составляли основную часть стада. Но пешие пастухи не могли пасти быстрых лошадей, поэтому им пришлось создать уздечку и освоить искусство наездников. Это было именно искусство, так как простейшая уздечка с мягкими ремennыми удилами не обеспечивала строгого управления лошады, а мартингал, седло и стремя появились лишь тысячи лет спустя. В этих условиях верховая езда была доступна только ловким пастухам – и лишь при условии, что лошадь была смирной и послушной.¹¹¹

Индоевропейцы были знакомы с земледелием, но в степях лишь немногие земли были доступны для обработки мотыгой. Однако изобильные пастбища позволяли содержать большие стада скота – так что в хозяйстве местного населения явственно преобладало скотоводство. На одном квадратном километре ковыльно-разнотравной степи можно было прокормить 6–7 коней или быков,¹¹² а для прокормления одной семьи из 5 человек требовалось стадо примерно в 25 голов крупного скота,¹¹³ следовательно, плотность скотоводческого населения в степи могла достигать 1,3 чел./км². Эта цифра близка к оценке Ратцеля – 0,7–1,9 чел./км²; рас-

¹⁰⁸ Этническая история древней Украины. Киев, 2000. С. 17–26 (на укр. языке)

¹⁰⁹ См. Кузьмина Е. Е. Первая волна миграции индоиранцев на юг / Вестник древней истории, 2000, № 4, С. 3–4; Сафронов В. А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989. С. 204

¹¹⁰ Мосенкис Ю. Л. Мова трипільської культури Джерела, методи, результати реконструкції, Киев, 2001

¹¹¹ Ковалевская В. Б. Конь и всадник М., 1977 С. 19–22; Энтони Д., Телегин Д.Я., Браун Д. Зарождение верховой езды / В мире науки 1992 № 2. С. 36–42; Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини С.388–389, 397; Mallory J In Search of the Indo-European L, 1989

¹¹² Мордкович В. Г. Степные экосистемы М., 1982 С. 167

¹¹³ Марков Г. Е. Кочевники Азии Структура хозяйства и общественной организации М., 1976 С. 21

четы О. Г. Большакова для степей Аравии дают 1,6–1,9 чел./км²¹¹⁴. Таким образом, плотность скотоводческого населения превосходит максимальную плотность для охотников и собирателей, но она в 5 – 10 раз меньше, чем у мотыжных земледельцев и в сотни раз меньше, чем у земледельцев, использующих ирригацию. Экологическая ниша скотоводов очень узка, и перенаселение наступает достаточно быстро; уже в конце V тысячелетия до н. э. в степи начались столкновения между индоевропейскими скотоводами и трипольскими земледельцами. Набеги из-за Днепра заставили трипольцев строить крупные укрепленные поселения, но отдельные дружины всадников все же прорывались далеко на Запад, вплоть до Дуная.¹¹⁵

Во второй половине IV тысячелетия бесконечная война скотоводов и земледельцев осложнилась вмешательством нового фактора. Через Кавказ в причерноморские степи распространилась очередная волна культурной диффузии с Ближнего Востока – волна, связанная с появлением колесных повозок и металлургии бронзы. Посредником в передаче этих изобретений индоевропейцам стала майкопская культура Северного Кавказа: здесь, в долине Кубани, в больших курганах вождей были найдены кинжалы и втульчатые боевые топоры из характерной для Ближнего Востока мышьяковистой бронзы.¹¹⁶ Наиболее древние медные топоры, найденные археологами в Поднепровье, имеют характерные майкопские формы и отлиты по майкопской технологии. Позже, когда форма топоров на Северном Кавказе изменилась вместе с технологией отливки, она была вновь перенята степными кузнецами, научившимися отливать изделия из бронзы, доставляемой с Кавказа. Конечно, бронзовые топоры были дорогими и относительно редкими, это было оружие знати – но на Северном Кавказе с помощью бронзового инструмента изготавливали также и сверленные каменные топоры; именно такие боевые топоры стали в дальнейшем массовым оружием степняков.¹¹⁷

Не менее важно то обстоятельство, что майкопская культура стала посредником в диффузионном распространении технологии изготовления повозок. Повозки того времени, модели которых были найдены в майкопских курганах, – это тяжелые двуосные фургоны на сплошных колесах, в которые с помощью дышла запрягали пару волов – тем же способом, что и в плуг. Управление осуществлялось поводьями, крепившимися к металлическому кольцу, продетому сквозь ноздри животного.¹¹⁸ В III тысячелетии в Двуречье стали запрягать в повозки эквидов, крупных ослов или, может быть, малорослых лошадей-тарпанов. Запряженные эквидами повозки повсеместно использовались в военных целях, на них сражалась местная знать. Изображения на знаменитом «штандарте из Ура» показывают, как боевая повозка таранит строй противника, обращая его в бегство.¹¹⁹

¹¹⁴ Ratzel F. Anthropogeographie B. II Stuttgart, 1922, S. 173; Большаков О. Г. История Халифата Т. 1. М., 1989, С. 33

¹¹⁵ Гимбутас М. Указ. соч. С. 398; Энтони Д., Телегин Д. Я., Браун Д. Указ. соч. С. 41

¹¹⁶ Гимбутас М. Указ. соч. С. 403; Черных Е. Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы М. 1966 С. 85–87; Авилова Л.И. Указ. соч.

¹¹⁷ Нечитайло П. Л. Связи населения степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы, Киев, 1991, С. 30, 81, 91

¹¹⁸ Горелик М. В. Боевые колесницы Переднего Востока III–II тысячелетия до н. э. / Древняя Анатолия, М., 1985, С. 187–188; Кожин П. М. К проблеме происхождения колесного транспорта / Древняя Анатолия, М., 1985. С. 170 – 171

¹¹⁹ Горелик М.В. Боевые колесницы. С. 191.

Рис. 1.2. Территориальная экспансия индоевропейских племен.¹²⁰

Здесь показана лишь область плотного расселения племен, но не отмечены территории, на которых арии политически господствовали, находясь в меньшинстве.

Таким образом, повозка стала *новым оружием* индоевропейцев – оружием, которое в сочетании с отрядами всадников дало им решающее преимущество в войне с земледельцами. Трипольские города, долго сдерживавшие напор степняков, погибли в пламени пожаров, и индоевропейцы устремились к Дунаю и к Эльбе. На обширных пространствах Восточной и Центральной Европы археологи фиксируют гибель многочисленных земледельческих поселений, на месте которых появились курганы победителей – гробницы с моделями повозок, бронзовыми кинжалами, боевыми топорами, останками принесенных в жертву лошадей и людей. Бронза была редкостью, но каменный боевой топор был неременной деталью даже бедных захоронений, топоры клали и в могилы детей – поэтому культуры, созданные завоевателями, археологи часто называют «культурами боевых топоров».¹²¹

Завоевание Европы означало распад древнего индоевропейского единства; разошедшиеся в разных направлениях племена завоевателей дали начало новым народам – германцам, грекам, италикам. Отдельные племена индоевропейцев проникли в леса, простиравшиеся от границы степей на север до Балтийского моря – это были предки славян и балтов, тогда составлявшие еще единый этнос создателей среднеднепровской, фатьяновской и нескольких более мелких культур. Характерно, что славяне унаследовали от индоевропейской общности тот словарный запас, который описывает оружие победителей: названия четырехколесной повозки, колеса, ярма, дышла, лошади, глагол «запрягать» и т. д..¹²² Для балто-славян так же, как для других индоевропейцев, поначалу были характерны воинственные обычаи, но позже в условиях земельного изобилия и отсутствия врагов эти племена перешли к мирной жизни. Обычай класть в могилы боевые топоры постепенно вышел из употребления.¹²³

Между тем, часть индоевропейских племен осталась в степях Причерноморья и Прикаспия; это были индоиранцы, насельники «ямной» культуры. Индоиранцы продолжали освоение новых возможностей, даваемых соединением повозки и конской запряжки – и в конце концов достигли впечатляющего результата: вследствие облегчения повозки была создана легкая одноосная колесница с колесами на спицах. «Учитывая сложность конструкции первых повозок с лошадиной запряжкой... можно видеть в конной колеснице одно из первых изобретений, – отмечает П. М. Кожин, – то есть рассматривать ее как итог целенаправленной техниче-

¹²⁰ http://encyclopedia.thefreedictionary.com/_/viewer.aspx?path=5/5a/&name=IE_expansion.png

¹²¹ Гимбутас М. Указ. соч. С. 410–423; Артеменко И. И. Культуры шнуровой керамики среднеднепровская, городокско-здобинская, стрижковская / Эпоха бронзы лесной полосы СССР, М., 1987 С. 38; Крайнов Д. А. Фатьяновская культура / Эпоха бронзы лесной полосы СССР, М., 1987 С. 65; Шпаковский В., Фадеева О. Генезис военного дела у племен Волго-Окского междуречья в эпоху бронзы (на примере фатьяновской культуры) http://www.vzmakh.ru/parabellum/n14_s1.shtml

¹²² Кузьмина Е. Е. Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей / Вестник древней истории. 1974. № 4. С. 79.

¹²³ Артеменко И. И. Указ. соч. С. 40; Шпаковский В., Фадеева О. Указ. соч.

ской работы, задачей которой было создание мощного наступательного средства». ¹²⁴ Г. Чайльд отмечал, что удивительное сходство боевых колесниц, фиксируемое на пространстве от Западной Европы до Китая, служит несомненным доказательством общности и однократности происхождения этого изобретения. ¹²⁵ Однако *фундаментальное открытие* древних индоиранцев не сводилось к боевой колеснице: чтобы использовать лошадь в колеснице, пришлось преодолеть немало затруднений: коня было не просто научить ходить в упряжке, и потребовалось создание системы тренинга. Более того, большинство степных лошадей были малорослыми, и нужно было провести селекцию, чтобы вывести породу выносливых и сильных коней, способных стремительно мчаться в колеснице. ¹²⁶

Кроме того, необходимо было научиться воевать на колеснице. Боевой опыт вскоре показал, что главным оружием колесничного воина должен быть лук – причем он должен быть небольшим, удобным для использования в колеснице. Для этой роли наиболее подходил сложный лук, склеенный из нескольких слоев дерева и обладавший при меньших размерах большей мощностью. Эффективность стрельбы из лука была значительно увеличена бронзовыми втульчатыми наконечниками стрел. ¹²⁷ Поскольку колесничные лучники не могли пользоваться щитом, то другим необходимым элементом вооружения стал панцирь. Затем была выработана тактика сражений, состоявшая в том, чтобы, используя скорость и маневренность колесницы, создавать численное превосходство в нужном месте, подвергать противника массированному обстрелу из луков и уклоняться от ближнего боя. ¹²⁸

Археологические открытия недавнего времени показали, что первые свидетельства появления удила и колесниц локализуются в области, простиравшейся от среднего Дона до юго-восточного Приуралья; в древних поселениях этого района найдены костяные псалии и захоронения с колесницами, датируемыми по радиоуглероду XXI–XVIII веками до н. э. ¹²⁹ В это время в Приуралье существовал ряд крупных укрепленных поселков, где жили ремесленники-металлурги, использовавшие руду богатых медных месторождений. Необходимо отметить, что для постройки колесниц был необходим совершенный бронзовый инструментарий, и бронзовые стамески, вместе со слитками меди и кусками руды, часто находят в захоронениях рядом с колесницами. ¹³⁰

В конце III тысячелетия до н. э. причерноморская степь была довольно плотно заселена, и нехватка пастбищ постоянно вызывала войны среди местных племен: об этом свидетельствуют воздвигавшиеся в степи оборонительные сооружения. ¹³¹ Создание боевой колесницы сделало индоиранцев непобедимыми, и в условиях высокого демографического давления это вызвало волну завоеваний, охватившую обширные регионы Евразии. ¹³² Этот процесс археологически фиксируется как беспрецедентно быстрое и масштабное распространение двух близких археологических культур, андроновской и срубной. ¹³³ В ходе этих завоеваний индоиранская общ-

¹²⁴ Кожин П. М. К проблеме происхождения... С. 176.

¹²⁵ Childe V. G. The Diffusion of Wheeled Vehicles / Ethnographisch-archäologische Forschungen. 1954. Bd. II. P. 7 – 17.

¹²⁶ Кузьмина Е.Е. Предыстория Великого Шелкового пути: контакты населения Евразийских степей и Синьцзяна в эпоху бронзы / Вестник древней истории. 1999. № 1. С. 171.

¹²⁷ Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? М., 1994. С. 190; Дьяконов И. М. Пути истории... С. 61.

¹²⁸ Нефедкин А. К. Боевые колесницы и колесничные древних греков (XVI–I вв. до н. э). СПб., 2001. С. 67, 87.

¹²⁹ Массон В. М. Древние цивилизации Востока и степные племена в свете данных археологии / STRATUM. 1999. № 5. С. 265–275; Кузьмина Е. Е. Первая волна миграции... С. 19.

¹³⁰ Кузьмина Е. Е. Первая волна миграции... С. 10.

¹³¹ Кузьмина Е. Е. Экология степей Евразии проблема происхождения номадизма. II. / Вестник древней истории. 1997. № 2. С. 84.

¹³² Mayrhofer M. Die Indo-Arier im alten Vorderasien. Wiesbaden, 1966; Кузьмина Е. Е. Предыстория Великого Шелкового пути... С. 171.

¹³³ Кузьмина Е. Е. Экология степей Евразии... С. 86, 91; Лопатин В. А. Элементы социокультуры позднепервобытных индоиранских обществ Центральной Азии http://www.sgu.ru/faculties/historical/sc_publication/reg_ist/iran/default.php

ность распалась: большая часть индоариев ушла на юг, в Индию, некоторые племена продвинулись в лесную полосу, покорив часть фатьяновцев и создав абашевскую и поздняяковскую культуры.¹³⁴ В середине II тысячелетия до н. э. племена срубной культуры достигли Днепра на западе; на территориях Левобережья, занятых завоевателями, археологи отмечают появление укрепленных городищ и наполненных оружием богатых могил знати.¹³⁵ За Днепром продолжали существовать мирные земледельческие поселения насельников последовательно сменявших друг друга тшинецкой, белогрудовской и чернолесской культур. Вплоть до киммерийской эпохи здесь не было укреплений, и в погребения не клали оружия; здесь не знали роскоши и богатых украшений.¹³⁶

---

¹³⁴ Пряхин А. Д. Халиков А. Х. Абашевская культура / Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 13 – 131; Бадер О. Н. Поздняяковская культура / Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 135.

¹³⁵ Березанская С. С., Чередниченко Н. Н. Срубная культура / Археология Украинской ССР. Т. I. Киев, 1985. 462–471.

¹³⁶ Артеменко И. И. Сосницкая культура / Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 107, 112.; Березанская С. С. Белогрудовская культура / Археология Украинской ССР. Т. I. Киев, 1985. С. 499–512; Мелюкова А. И. Культуры предскифского периода в лесостепной зоне / Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 26–27; Березанская С. С. Восточнотшинецкая культура / Археология Украинской ССР. Т. I. Киев, 1985. С. 437–445; Граков Б. Н. Ранний железный век. М., 1978. С. 171.

1.8. Форсирование кочевого общества

Создание колесницы было лишь одним из первых шагов в освоении тех возможностей, которые давало человеку приручение лошади. Последующие шаги в этом направлении привели к появлению особой цивилизации Великой Степи, кочевого общества.

Решающим толчком, обусловившим переход от оседлого к кочевому скотоводству, было создание усовершенствованного уздечного набора (с мартингалом и оголовьем) в конце II тысячелетия до н. э. После освоения этой фундаментальной инновации наездничество перестало быть искусством немногих джигитов – оно стало доступно всем, и все мужчины сели на коней.¹³⁷ Это открыло возможность освоения дальних пастбищ, и жители степей стали кочевать вместе со своими стадами. Кочевание помогло освоить северные степи и горные луга, однако оно потребовало смены образа жизни: «С переходом к кочевому скотоводству резко изменился облик степей. Исчезли многочисленные поселки, наземные и углубленные в землю жилища бронзового века, жизнь теперь проходила в повозках, в постоянном движении людей вместе со стадами от одного пастбища к другому».¹³⁸ Женщины и дети ехали в поставленных на колеса кибитках – но были племена, где на коней сели и женщины; Геродот передает, что у савроматов женщины «вместе с мужьями и даже без них верхом выезжают на охоту, выступают в поход и носят одинаковую одежду с мужчинами».¹³⁹ Археологи свидетельствуют, что в могилы женщин – так же, как в могилы мужчин – часто клали уздечку, символ всадника.¹⁴⁰

Возникновение кочевничества сопровождалось появлением кавалерии и вспышкой войн.¹⁴¹ «В поисках новых пастбищ и добычи скотоводы захватывали в сферу своего влияния... все новые группы населения, – пишет Г. Е. Марков. – Мог развернуться своего рода „цепной процесс“ распространения кочевничества».¹⁴² Действительно, после VIII века до н. э. на всем протяжении Великой Степи – от Дуная до Хингана – утверждается единая культура, говорящая о господстве в степи группы родственных кочевых народов. Эти народы – скифы, сарматы, саки – это были древние иранцы.¹⁴³

Кочевничество позволило освоить новые пастбища, но плотность населения в степи оставалась низкой – к примеру, даже в конце XIX века в Тургайской области Казахстана она не превосходила 1,9 чел./км².¹⁴⁴ При этом имеются сведения, что на протяжении последних двух тысячелетий численность кочевых народов не возрастала. Как отмечает А. М. Хазанов, численность хунну, живших на территории современной Монголии, и количество скота у них почти полностью совпадает с теми цифрами, которые имеются для монголов начала XX века.¹⁴⁵ Экологическая ниша скотоводов была очень узкой, и голод был постоянным явлением. Китайские хроники пестрят сообщениями о голоде среди кочевников: «В том же году в землях сюнну был голод, от него из каждого десятка населения умерло 6–7 человек, а из каждого десятка скота пало 6–7 голов... Сюнну несколько лет страдали от засухи и саранчи, земля на несколько тысяч ли лежала голая, люди и скот голодали и болели, большинство из них умерли или пали...» «Был голод, вместо хлеба употребляли растертые в порошок кости, свирепствовали поваль-

¹³⁷ Ковалевская В. Б. Указ. соч. С. 115; Смирнов А. П. Скифы. М., 1966. С. 13.

¹³⁸ Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 5.

¹³⁹ Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972. С. 216.

¹⁴⁰ Петренко В. Г. Локальные группы скифообразной культуры лесостепи Восточной Европы / Степи Европейской части СССР. С. 70; Смирнов К. Ф. Савроматская и раннесарматская культуры / Там же С. 69

¹⁴¹ Степи Европейской части СССР... С. 5

¹⁴² Марков Г. Е. Указ. соч. С. 31

¹⁴³ Археология СССР. М., 1982. С. 118 – 119

¹⁴⁴ Алексеенко Н. В. Население дореволюционного Казахстана Алма-Ата, 1981 С. 80

¹⁴⁵ Хазанов А. М. Социальная история скифов. М., 1975. С. 265

ные болезни, от которых великое множество людей померло...».¹⁴⁶ Арабские писатели сообщают о частом голоде среди татар; имеются сообщения о том, что в годы голода кочевники ели падаль, продавали в рабство своих детей.¹⁴⁷ Недостаток средств существования породил обычай жертвоприношения стариков у массагетов;¹⁴⁸ у некоторых племен было принято умерщвлять вдов, грудных детей убивали и погребали вместе с умершей матерью.¹⁴⁹ Приводимые В. П. Алексеевым данные о степных могильниках II тысячелетия до н. э. (Тасты-Бутак, Хрящевка-Ягодное, Карасук III) говорят о очень высоком уровне детской смертности; средняя продолжительность жизни взрослых составляла 34 года.¹⁵⁰ В более позднюю эпоху, у средневековых кочевников-авар, средняя продолжительность жизни составляла 38 лет для мужчин и 36 лет для женщин.¹⁵¹

Образ жизни кочевников определялся не только ограниченностью ресурсов кочевого хозяйства, но и его неустойчивостью. Экологические условия степей были изменчивыми, благоприятные годы сменялись засухами и джутами. В среднеазиатских степях джут случался раз в 7 – 11 лет; снежный буран или гололед приводили к массовому падежу скота; в иной год гибло больше половины поголовья.¹⁵² Гибель скота означала страшный голод, „климатический стресс“; кочевникам не оставалось ничего иного, как умирать или идти в набег – по замечанию Н. Н. Крадина, корреляция между климатическими стрессами и набегами «прослеживается чуть ли не с математической точностью».¹⁵³

Регулярные климатические стрессы порождали в степи обстановку вечной и всеобщей войны; эта война называлась у казахов «барымтой».¹⁵⁴ «Благосостояние кочевников определялось исключительно силой того или иного казахского рода, – отмечает А. А. Кауфман, – оно поддерживалось хищничеством, барымтой и выпадало на долю родов, военно-разбойничья организация которых была наиболее развитой».¹⁵⁵ Кочевники закалялись в борьбе со стихией и в постоянных столкновениях друг с другом. В каждом роду имелся наездник, отличавшийся храбростью и физической силой; постоянно проявляя себя в схватках, он постепенно становился «батыром», «богатырем». Батыры возглавляли роды в сражениях, они были главными героями казахского эпоса.¹⁵⁶ «Молодых и крепких уважают, – говорит китайский историк о гуннах, – старых и слабых почитают мало... Сильные едят жирное и лучшее, старики питаются после них... Кто в сражении отрубит голову неприятеля, тот получает в награду кубок вина и все захваченное в добычу».¹⁵⁷ «Счастливыми из них считаются те, кто умирает в бою, – говорит Аммиан Марцеллин об аланах, – а те, кто доживают до старости и умирают естественной смертью, преследуются у них жестокими насмешками, как выродки и трусы».¹⁵⁸ Культ войны нахо-

¹⁴⁶ Таскин В. С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) Вып. 2 М., 1973. С. 29, 70; Бичурин И. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М – Л., 1950. С. 236

¹⁴⁷ Хазанов А. М. Указ. соч. С. 149

¹⁴⁸ Геродот Указ. соч. С. 79

¹⁴⁹ Эрдели И. Авары / Исчезнувшие народы М, 1988 С 104

¹⁵⁰ Алексеев В. П. Палеодемография содержание и результаты / Историческая демография. Проблемы, суждения, задачи М., 1989. С. 87 – 89

¹⁵¹ Эрдели И. Указ. соч. С. 102

¹⁵² Толыбеков С. Е. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века. Алма-Ата, 1971. С. 79

¹⁵³ Крадин Н. Н. Особенности классообразования и политогенеза у кочевников / Архаическое общество узловые проблемы социологии развития. М., 1991. С. 304

¹⁵⁴ Толыбеков С. Е. Указ. соч. С. 250

¹⁵⁵ Кауфман А. А. К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. СПб., 1903. С. 133

¹⁵⁶ Толыбеков С. Е. Указ. соч. С. 207, 255

¹⁵⁷ Бичурин И. Указ. соч. С. 40

¹⁵⁸ Марцеллин, Аммиан. Римская история. СПб., 1994, С. 494

дил проявление в поклонении мечу, Геродот сообщает о поклонении мечу у скифов, Аммиан Марцеллин – у алан.¹⁵⁹

В бесконечных сражениях выживали лишь самые сильные и смелые – таким образом, кочевники подвергались естественному отбору, закреплявшему такие качества, как физическая сила, выносливость, агрессивность. Древние и средневековые авторы неоднократно отмечали физическое превосходство кочевников над жителями городов и сел. «Кипчаки – народ крепкий, сильный, здоровый», – пишет Ибн Батута.¹⁶⁰ «Они так закалены, что не нуждаются ни в огне, ни в приспособленной ко вкусу человека пище; они питаются корнями трав и полусырым мясом всякого скота», – говорит Аммиан Марцеллин о гуннах.¹⁶¹ Ал-Мукаддаси видит в тюрках «самых храбрых врагов, с крепкими телами, самых выносливых при бедствиях, у которых меньше всего жизненных благ и покоя». ¹⁶² Естественный отбор по силе, ловкости, выносливости дополнялся воспитанием воинских качеств, начиная с раннего детства. «Мальчик, как скоро сможет сидеть верхом на баране, стреляет из лука пташек и зверьков и употребляет их в пищу», – говорит Сымы Цянь о воспитании у гуннов.¹⁶³ У монголов и казахов 12 – 13-летние юноши вместе со своими отцами ходили в набеги.¹⁶⁴

Кочевники жили сплоченными родами, насчитывавшими десятки и сотни членов.¹⁶⁵ Из-за нехватки пастбищ большие группы людей не могли кочевать вместе, поэтому после перекочевки на летние или зимние пастбища род обычно разделялся на группы родственных семей (казахские «аулы»).¹⁶⁶

¹⁵⁹ Геродот Указ. соч. С. 202; Марцеллин, Аммиан Указ. соч. С. 494

¹⁶⁰ Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М – Л., 1934. С. 283

¹⁶¹ Марцеллин, Аммиан. Указ. соч. С. 491

¹⁶² ал-Мукаддаси, Абу Абдаллах. Наилучшее распределение для познания стран / Материалы по истории туркмен и Туркмени. Т. 1. М Институт Востоковедения, 1939. С. 191

¹⁶³ Бичурин И. Указ. соч. С. 40

¹⁶⁴ Толыбеков С. Е. Указ. соч. С. 572; Марков Г. Е. Указ. соч. С. 152

¹⁶⁵ См., например Хазанов А. М Указ. соч. С. 104; Толыбеков С. Е. Указ. соч. С. 511; Марков Г. Е. Указ. соч. С. 169

¹⁶⁶ Хазанов А. М Указ. соч. С. 269

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.